

ТАЙНЫЙ
КЛУБ
ПСИХО
ПАТОВ

ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР 2021 ГОДА
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

ВЕРА КУРИАН

Вера Куриан
Тайный клуб психопатов
Серия «Убийство по
любви. Культовый сериал»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67716969
Тайный клуб психопатов: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169441-8

Аннотация

Для всех Хлоя Севр – отличница-первокурсница, красотка, обожающая фитнес и студенческие вечеринки... Но еще она – диагностированная психопатка. И прямо сейчас замышляет убийство давнего знакомого – этого придурка, посмеявшего очень жестоко ее унизить. Хлоя – одна из семи студентов колледжа, участвующих в необычном эксперименте: клиническом исследовании психопатов – людей, не способных к эмпатии, никогда не испытывающих чувства вины, стыда или страха. Она согласилась на это, чтобы подобраться ближе к будущей жертве. Но когда одного из участников исследования находят убитым, а вокруг начинается очень опасная игра, Хлоя быстро осознает, что из охотника превратилась в добычу... Чтобы вычислить и обезвредить неведомого убийцу, ей нужно понять,

можно ли довериться кому-то из таких же психопатов, как она. Но ведь все знают, что психопату нельзя доверять ни в коем случае...

Содержание

1	8
2	26
3	31
4	40
5	51
6	59
7	69
8	76
9	83
10	94
11	104
12	121
13	127
14	138
15	146
16	151
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Вера Куриан

Тайный клуб психопатов

Vera Kurian

NEVER SAW ME COMING

Copyright © 2021 by Albi Literary Inc.

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление

* * *

Вера Куриан

ТАЙНЫЙ

КЛУБ

ПСИХО

ПАТОВ

Москва
2022

1

Обратный отсчет: 60 дней

Едва только захлопнув дверь своей новой комнаты в общежитии, я сразу бросаюсь к окну, высматривая его в огромном внутреннем дворе, вокруг которого прямоугольником выстроились здания университетского кампуса. Хотя непохоже, чтобы сейчас он вдруг оказался где-то там, среди нагруженных чемоданами и коробками родителей первокурсников или горстки студентов, растянувшихся на траве.

Но нет. Вот они – до боли знакомые грязно-желтые патлы. Уилл! Но тут патлатая голова поворачивается, и я понимаю, что это всего лишь какая-то девчонка с неряшливой прической. М-да, вообще-то в свой самый первый день в универе можно было бы выглядеть и поприличней...

Отворачиваюсь от окна и оглядываю свое будущее обиталище с его унылыми линолеумными полами, мысленно составляя список первоочередных дел. 1. Избавиться от матушки. Вычеркиваем. Она уже свалила и сейчас наверняка гонит по трассе И-95, открывая на ходу бутылку шампанского – на радостях, что наконец-то сбагрила меня с рук долой. 2. Застолбить самое выгодное место в двухместном блоке, пока не объявилась моя соседка, Джессика. 3. Завязать несколько новых знакомств (желательно от шести до восьми человек), после чего перейти к пункту 4: зарегистрироваться

в указанном мне кабинете на психфаке. 5. Найти Уилла.

Нам с Джессикой достался блок с двумя отдельными спальнями, причем одна явно больше другой. И хотя в иной ситуации моим нормальным побуждением было бы захватить ту, что попросторней, я сразу увидела основной ее недостаток. Окна в ней выходят прямо на двор. А что, если посреди ночи мне приспичит потихоньку улизнуть через окно и так же незаметно вернуться обратно? В наши дни у каждого наготове мобильник с камерой, чтобы тут же заснять что-нибудь хотя бы отдаленно интересное, и в этом случае меня будет легко засечь из соседних общаг и учебных зданий, окаймляющих двор, – слишком уж много зрителей, на мой вкус.

В итоге выбираю комнату поменьше. Подобная щедрость заработает мне дополнительные очки с моей новой соседкой, но, что гораздо важнее, окно здесь выходит на глухую кирпичную стену соседнего здания, а прямо к нему приделана металлическая пожарная лестница – просто идеальный вариант, если мне понадобится незаметно войти или выйти. Перетаскиваю туда коробки и застилаю кровать, водрузив сверху своего огромного плюшевого кита, чтобы окончательно застолбить территорию. Голоса из коридора так и взывают ко мне, и теперь остается лишь побыстрее застолбиться и в коллективе, в котором мне предстоит существовать.

Перед тем как выйти из комнаты, подвергаю себя беглому осмотру, освежив блеск на губах и приведя в порядок во-

лосы. Прическа как раз в меру: свободная боковая французская коса, словно заплетенная наспех, но на деле требующая довольно много возни, чтобы выглядеть небрежно и непринужденно. В глазах окружающих я должна быть того рода девчонкой, которой не надо прикладывать каких-то особых усилий, чтобы естественным образом выглядеть и слегка сексуально, и при этом достаточно целомудренно, даже просто скатившись утром с кровати. Когда отвечаешь каким-то объективным стандартам внешней привлекательности, люди думают, что ты лучше, чем на самом деле, – умней, интересней, заслуживаешь большего внимания. А если и ведешь себя соответственно, то мало кто перед тобой устоит.

Через весь наш корпус под названием «Брюсер» тянется один длинный коридор с двухместными жилыми блоками по обеим сторонам – комнатами, как их тут для простоты дела называют. Засовываю голову прямо в соседнюю дверь, где две брюнетки силятся вытащить толстое пуховое одеяло из пластикового пакета.

– Привет! – жизнерадостно восклицаю я. – Я Хлоя!

Для них я могу быть кем угодно. Хохотушкой, простой незакомплексованной девчонкой, потенциально лучшей подругой – той, с кем можно делиться девичьими секретами во время полуночных посиделок у холодильника. Когда я таким вот образом навожу мосты, то каждый раз играю какую-нибудь маленькую подходящую случаю роль, порой всего несколько секунд, но если мне надо кого-то конкретно за-

хомутать, то могу и выложиться по полной. Могу выглядеть моложе, если надо: нацепить что-нибудь посвободнее, чтобы скрыть фигуру, заставить свои глаза сверкать придурковатым восторгом – святая простота, да и только. Могу выглядеть старше, тщательно подобрав макияж и одежду, засветить соблазнительные ложбинки на теле, если потребуются. Это достаточно просто, потому что люди склонны видеть то, что хотят видеть.

Перехожу от двери к двери. Комната 202.

– Боже, просто чудо, что за волосы! – лепечу я энергичной улыбчивой блондинке, которая, по моим прикидкам, явно окажется в центре общего внимания.

Комната 206.

– А вы, часом, не братья? – робко интересуюсь я у двух парней, явно гребцов, причем из одного слаженного экипажа (классные тела, но совершенно детские личики – не в моем вкусе). Двое из ларца, одинаковы с лица... Они ухмыляются в ответ, поглядывая на мои титьки, и каждый пыжится выдать что-нибудь остроумное. Без особого, впрочем, успеха.

В комнате 212 парочка каких-то скромняшек. Держатся неуверенно. Веду себя с ними приветливо, но надолго не задерживаюсь, поскольку знаю, что ключевыми игроками им тут не бывать.

Знакомясь с будущими сокурсниками, одновременно прикидываю, кто из них, скорее всего, впишется в ту часть студенческой жизни, которую принято именовать «грече-

ской»¹. Уилл тоже состоит в студенческом братстве «Сигма-Альфа-Эпсилон», и одна из моих первостепенных деловых задач – проникнуть в ряды этого братства. «Двое из ларца» уже в коридоре, шумно обсуждают намеченный на вечер поход в какой-то клубешник. Тусовка в первый же день – это хорошо: ребята, похоже, из тех, кого примут в братстве с распростертыми объятиями, а чья-то рекомендация мне явно не помешает.

– Обожаю танцевать! – восторженно объявляю я этому, как его, который повыше, теребя кончик косички. – Самый лучший способ познакомиться с людьми поближе.

Он улыбается мне с высоты своего роста, весело прищурившись. Если в старших классах школы я чему и научилась, так это тому, что любое совместное времяпрепровождение, не связанное с учебой, тоже подчиняется ряду определенных правил – это игра, в которой постоянно ищешь свое место в сложившейся иерархии, пытаясь всеми прав-

¹ Большинство американских студентов состоит в так называемых «братствах» и «сестринствах» – общественных объединениях, не привязанных к какому-то конкретному учебному заведению. Названия их обозначаются одной-двумя буквами греческого алфавита, поэтому жизнь такого студенческого братства именуется «греческой». Кое-что из структуры, иерархии и традиций таких братств заимствовано у масонских лож – в частности, вступительные ритуалы, нередко связанные с тяжелыми, унижительными, а порой и откровенно рискованными заданиями для новичков (известны даже случаи гибели студентов во время испытательного срока). Хотя полезные функции у таких братств действительно есть (помощь в учебе, обеспечении жильем и т. д.), на самом же деле главная их задача – как следует оттянуться в духе разгульного средневекового студенчества. *Здесь и далее – прим. пер.*

дами и неправдами пробиться наверх и оказаться в центре внимания. Будь той, кого парни мечтают отыметь, иначе так и останешься для них совершенно невидимой. Будь той, кого девчонки хотят во что бы то ни стало затащить в свой тесный кружок – неважно, в качестве подружки или соперницы, – иначе так и помрешь совершенно никому не нужной.

Даже по этим беглым знакомствам я могу судить, что в этом корпусе нет никого из моей программы. До сих пор я еще не встречала людей, подобных себе, но когда это со временем произойдет, думаю, это будет скорей похоже на встречу двух волков в ночи, которые, обнюхавшись, сразу же признают друг в друге собрата-хищника. Но сомневаюсь, чтобы организаторы разместили хотя бы двоих из нас в одной и той же общаге – в программе всего семь участников, так что всех наверняка раскидали по разным местам – как говорится, на всякий пожарный.

И вот наконец настает время оставить моих новых знакомых наедине с их собственными делами и идти регистрироваться в программе.

Психологический факультет в противоположном углу двора, по диагонали от моего корпуса, и хорошо виден из окон общей комнаты нашего двухместного блока. Густо поросший травой двор крест-накрест пересечен кирпичными дорожками, и на каждом из кирпичей высечено имя какого-нибудь выпускника – типа «Джон Смит, выпуск 2003», и так далее. Забавно: Уиллу так и не достанется та-

кой вот кирпич, в отличие от меня. Над одной из самых больших общаг, Тайлер-холлом, растянут огромный транспарант: «ПРИВЕТ ПЕРВОКУРСНИКАМ!!!» Остановливаясь, чтобы щелкнуть селфи с этим транспарантом на заднем плане: смотрите, люди, в каком восторге эта девчонка от своего первого дня в колледже – ведет себя так, как в таких случаях и полагается!

То, что в итоге я оказалась в университете имени Джона Адамса², – это практически перст судьбы. С учетом задуманного меня устраивал в первую очередь Вашингтон или его окрестности, так что я подала заявления в Джорджтаунский и Американский университеты, университеты Джорджа Вашингтона и Джона Адамса, в Католический университет и Колледж Троицы – все они расположены в пределах округа Колумбия³. Чисто для подстраховки подала документы и в чуть более удаленные учебные заведения вроде Джорджа Мейсона и Мерилендского университета. Приняли меня во все, кроме Джорджтауна⁴. Хотя ну их в жопу. Школу я за-

² Джон Адамс (1735–1826) – первый вице-президент и второй президент США, личность реально существовавшая, а вот университет его имени в Вашингтоне вымышленный.

³ Округ Колумбия (*англ.* District of Columbia, или DC) – фактически город Вашингтон вместе с его городами-спутниками, самостоятельная территория, не входящая ни в один из штатов. Именно так – Ди-Си – американцы чаще всего именуют свою столицу, во многом для того чтобы не путать ее с одноименным штатом на северо-западе страны.

⁴ Джорджтаунский университет – католический (иезуитский) частный университет в Вашингтоне, основанный в 1789 г., очень престижное учебное заведение.

кончила с отличием: ай-кью – 135 пунктов (до уровня гения всего пяти не хватает), круглые пятерки по всем предметам, стандартизированные тесты пройдены на ура. Большая часть моего гардероба куплена на средства, заработанные написанием работ для других абитуриентов. Интересно, скольким из них удалось поступить в колледж благодаря проникновенному сочинению про умирающую от рака бабушку, которой у них в жизни не было?

Практически везде мне сразу пообещали стипендию, но предложение от Адамса оказалось самым заманчивым. Даже если бы я не подошла для психологического исследования, меня все равно ждала щедрая финансовая поддержка, предоставляемая абитуриентам моего уровня, чтобы заманить их в программу обучения по модели свободных искусств и наук⁵. Но меня это не волновало – из-за Уилла университет Адамса всегда стоял для меня на первом месте. Еще один бонус – это его местоположение: практически в самом центре Вашингтона, перенаселенного города с довольно вы-

Один из пяти ведущих университетов в мире в области политических наук и дипломатии.

⁵ Активно продвигаемая в последнее время система высшего образования, толком объяснить которую не всегда способны и самые рьяные ее адепты. Одно из определений звучит так: «Гибкий план обучения, совмещающий широту дисциплинарного охвата с глубиной изучаемого предмета, поощряющий междисциплинарность и предоставляющий студентам максимально возможную свободу выбора». В общем, это нечто вроде принятой еще в Средние века системы, основанной на «энциклопедических» знаниях общего характера, но все-таки с какой-то конкретной специализацией.

соким числом убийств на душу населения. Кампус располагается в недавно обновленном микрорайоне под названием Шо, чуть восточней пафосной Логан-сёркл и к югу от Ю-стрит⁶, весьма популярной среди тусовщиков. Несмотря на то что рестораны и питейные заведения в этом райончике в основном приличные, публика тут регулярно бьет друг другу морды по пьяни, порой пуская в ход ножи, а случайного прохожего могут ограбить прямо посреди бела дня. Правоохранителям здесь и без того дел по горло из-за бесконечной череды всяких маршей протеста, международных конференций и дипломатических визитов – наверняка им глубоко насрать, что там на уме у какой-то случайной восемнадцатилетней девчонки с «Айфоном» в руке и ангельским выражением на лице.

Мрачноватое здание психфака мне сразу понравилось – натуральный средневековый замок. Его краснокирпичные стены густо затянуты плющом, а стекла в тяжелых чугунных рамах кажутся слегка волнистыми, словно оставшимися с каких-то древних времен. Огромный, похожий на пещеру вестибюль тускло освещен большой люстрой с помигивающими желтоватыми лампочками, и пахнет здесь старыми книгами. Входя, представляю себе, будто за мной катит киношная камера на тележке, а зрители замирают при мысли

⁶ В Вашингтоне, как и в ряде других крупных городов США вроде Нью-Йорка, некоторые улицы названы буквами латинского алфавита. «Пронумерованные» улицы и авеню, кстати, здесь тоже имеются.

об опасностях, которые могут поджидать меня внутри. Вид у меня такой умильно-беззащитный, что они за меня точно переживали бы.

Поднимаюсь по винтовой лестнице на шестой этаж, где мне предстоит зарегистрироваться в качестве участника программы. Комната 615 прячется в самом конце длинного коридора: не сразу и найдешь. Табличка на двери гласит: «Леонард Уимен, доктор наук; Елена Торрес, кандидат наук». Узнаю эти фамилии из выданных мне документов.

Стучусь, и через несколько секунд дверь распахивается.

– Ага, вы, должно быть, Хлоя Севр! – восклицает открывшая мне молодая женщина.

Протягивает мне руку. Наверняка у них на меня полное досье. У меня уже была куча телефонных собеседований с какими-то их сотрудниками и одно с самим Уименом, плюс они успели опросить мою мать и моего школьного психолога.

Рука у женщины костлявая, но сухая и теплая, в шоколадно-коричневых глазах ни капли страха или даже опаски.

– Меня зовут Елена, я помощница доктора Уимена, его бывшая аспирантка.

Улыбнувшись, она жестом приглашает меня войти. Проводит меня через довольно захламленную приемную, мимо заваленного бумагами письменного стола с тремя ноутбуками и дальше по коридору в кабинет поменьше, очевидно, ее собственный.

Закрывает за нами дверь.

– Сейчас мы всё устроим. В бухгалтерии уже были? Стипендию оформили? Компенсацию тоже?

Как и всем семи участникам исследования, мне, помимо всего прочего, был предоставлен и бесплатный проезд до места учебы. Все, что от меня требовалось взамен, – это желание на полный рабочий день стать подопытным кроликом в том, что называется «Многоподходное исследование на группе испытуемых с диагнозом «психопатия».

Киваю, озираясь по сторонам. Стеллажи в кабинете забиты книгами и стопками распечатанных статей. Три выпуска «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам»⁷ за разные годы. Множество каких-то толстенных трудов по «аномальной» психологии. Книга «Без сознания» Роберта Хейра⁸, которую я уже читала...

– Отлично, – говорит Елена. Открывает что-то у себя на компьютере. Подобрал с коврика для мыши ячменную булочку, откусывает, шумно жует. Симпатичная тетка, пусть даже и типичная аспирантка. Оливковая кожа, красиво очерченные выступающие ключицы... Так и представляешь, как

⁷ ДСР (DSM, Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) – «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам», выпускаемое и регулярно обновляемое Американской психиатрической ассоциацией (АПА): ряд психических заболеваний и расстройств иногда меняет свой статус и попадает в иные категории.

⁸ Роберт Д. Хейр (р. 1934) – канадский психолог, известный своими исследованиями в области психологии преступников.

она по уши влюбляется в какого-нибудь тощего очкастого «ботаника» и пытается завести детей, когда поезд уже давно ушел.

– Ага, вот оно...

Хозяйка кабинета несколько раз щелкает мышью, и принтер оживает. Когда она встает, чтобы достать распечатки, наклоняюсь, пытаюсь разглядеть экран компьютера, но монитор прикрыт по бокам защитными шторками. Не знаю, насколько все это секретно, но мне все-таки уже удалось выяснить, сколько студентов участвует в программе, пока один из администраторов в бухгалтерии занимался моей стипендией и прочими компенсациями. Просто умираю от любопытства, кто же остальные шестеро. Что это за лучшие из лучших с мозгами набекрень?

Елена вручает мне стопку документов на скрепках – формы информированного согласия на мое участие в различных опытах и экспериментах, гарантии того, что мои личные данные не будут переданы третьим лицам, что исследования, проводимые при помощи компьютерной техники, связаны с минимальным риском, а образцы крови забираются только лицензированным медработником и так далее, и тому подобное. Потом опять еще что-то о защите личных данных, отслеживании местоположения – тут я вчитываюсь повнимательней – и о том, что по закону они обязаны проинформировать соответствующие органы, если я буду представлять угрозу для самой себя или для окружающих. Да ради бога!

Я вовсе не собираюсь вести себя так, чтобы представляемая мною угроза стала общеизвестным фактом.

Заканчивая подписывать документы, вижу, как Елена достаёт из сейфа небольшую коробочку и вынимает из нее что-то блестящее.

– А вот ваши смарт-часы.

Чудо что за вещица! Они черные и глянцевые, словно из какого-то шпионского фильма.

– Вы должны постоянно их носить, как и оговорено. Они фиксируют ваш пульс и фазы сна – и да, часы водонепроницаемые, кстати, так что не снимайте их перед тем, как принять душ. Можете в них даже купаться.

Протягиваю руку, и Елена торжественно застегивает их у меня на запястье, словно ювелир, надевающий на руку покупателя драгоценный браслет.

– Если они не подходят вам по стилю, можете просто снять ремешок и повесить их на шнурке за пазухой. Когда к вам поступит запрос мониторинга настроения, на экране появится вот такая иконка.

Она нажимает какие-то клавиши на своем компьютере, и на черном экране смарт-часов возникает красный восклицательный знак. Елена показывает на него, предлагая прикоснуться к нему пальцем, как к экрану смартфона. Когда я это делаю, восклицательный знак исчезает, сменившись текстом, спрашивающим меня, чем я в данный момент занимаюсь, а также вопросом: «Насколько хорошее у вас сейчас

настроение? 1 2 3 4 5 6 7».

– Мониторинг настроения не занимает много времени, – объясняет Елена. – Максимум пару минут. Предполагается, что вы должны дать ответ сразу после поступления уведомления – это наша попытка оценить, как люди действительно чувствуют себя на протяжении обычного дня, не в искусственных лабораторных условиях. Но вполне можно немного отложить заполнение опросника, если вы, например, на экзамене или пишете контрольную – мне бы не хотелось, чтобы ваш преподаватель подумал, что вы списываете, или еще чего.

– А преподаватели в Адамсе в курсе, что я участвую в исследовании?

– Нет, ваше участие в программе и диагноз совершенно конфиденциальны.

– И эти часы постоянно отслеживают мое местонахождение?

– Нет. В смысле, иногда они все-таки связываются со спутниками, но нет, мы получаем данные о вашем местоположении только в момент передачи ответа на запрос о настроении, поскольку нам нужно понимать ситуацию, в который вы находитесь, и по какой причине чувствуете себя тем или иным образом. По-моему, вам и самой будет интересно посмотреть, насколько это поможет вам понять ваши собственные эмоции.

Елена широко улыбается мне, демонстрируя щербинку

на зубе. Сказанное вызывает у меня некоторое облегчение. У меня уже успел возникнуть и запасной план, естественно, – просто снять часы и оставить их у себя в комнате или, может, спрятать где-то в вещах Джессики, чтобы они отслеживали ее, а не меня, если я вдруг затею что-нибудь нехорошее. Обязаловка превращается в алиби: часы говорят, что я сижу дома за учебниками, попивая молочко!

– А как часто надо будет являться на другие эксперименты?

– Это необязательно эксперименты. В основном просто обследования. Но в любом случае не чаще, чем один или два раза в неделю, а МРТ⁹ вообще планируется за несколько недель вперед.

Я просто в восторге от своих новых часов. Когда прикасаюсь к их черному циферблату, они тут же просыпаются, показывая набор крошечных, но тщательно проработанных иконок.

– А как насчет остальных шести студентов? Я буду с ними встречаться?

– Вообще-то не лицом к лицу, но вполне можете случайно пересечься с кем-то из них по ходу пьесы.

Хм, интересно. Да, я здесь не только ради бесплатного обучения и стипендии, а в первую очередь для того, чтобы

⁹ МРТ (магнитно-резонансная томография) – способ получения послойных медицинских изображений для исследования внутренних органов, в том числе головного мозга.

оказаться в том же городе, что и Уилл, но давайте по-честному: люди любят психологию, поскольку людям свойствен narcissism. А уж мне, как психопату, тем более.

Елена собирает все бумаги в стопку, выравнивает ее о стол.

– Вам еще предстоит вводная встреча с доктором Уименом на этой неделе, но сегодня от вас больше ничего не требуется, так что добро пожаловать в программу!

С моей новой игрушкой, красующейся на запястье, направляюсь через двор обратно в общагу, надеясь, что Джессика уже успела заселиться. Джессика – пока что главный джокер в моей колоде: это тот человек, который может вольно или невольно всерьез усложнить мою жизнь и планы, и мне хочется поскорее узнать, какой соседкой она окажется. Если это не какая-то клуша, то мы составим с ней влиятельную пару в «Брюсере». Если она чересчур любопытна и любит совать нос в чужие дела, то передо мной возникнет еще одна проблема, требующая решения.

Слышу какое-то движение за дверью, прежде чем успеваю ее открыть. Долговязая девица с орехово-коричневой кожей и густой шапкой темных волос, волнами спадающих на плечи, заталкивает в угол картонную коробку.

– Хлоя! – радостно кричит она. Подходит ко мне с широкой улыбкой на лице, и мы пожимаем друг другу руки. – Я Джессика!

У нее огромные темные глаза, обрамленные густыми,

скорее всего накладными ресницами. Пять баллов за хорошую кожу и за мягкие сапожки без каблука в эльфийском стиле. Пять с плюсом за мини-холодильник.

– Я только приехала! Мне так стыдно... тебе точно больше нравится та комната, что поменьше?

– Все нормально – предпочитаю окна на ту сторону.

Помогаем друг другу разобрать вещи, болтая о всякой ерунде, как это обычно делают девчонки, решаем, что куда засунуть, и я продолжаю оценивать ее. В итоге прихожу к мнению, что дополнение это скорее положительное, чем отрицательное. Она симпатичная, веселая и вроде как полная пофигистка – короче, не из тех, кто будет заглядывать в мой компьютер или кривить физиономию, если я приведу домой парня. Более или менее разобрав барахло, выходим с ней в шумный коридор к остальным. Здесь всё продолжают обсуждения, куда бы податься вечером.

Я в нетерпении. Знаю, что первым делом нужно провести подготовительную работу – сформировать альянсы, произвести хорошее впечатление, – но хочется поскорей перейти к делу. Сегодня двадцать четвертое августа, первый день «Недели первокурсника», предоставляемой будущим студентам для знакомства с универом и кампусом, и ровно шестьдесят дней до двадцать третьего октября – даты, которую я тщательно выбрала. Это оставляет мне достаточно пространства для маневра, но, что более важно, в этот день в Вашингтоне будет проходить масштабный марш протеста,

центром которого станет главная аллея парка «Национальный молл». Вообще-то намечается слияние сразу нескольких совершенно разных политических акций: марша за свободу слова, марша за импичмент президенту (который в контрах к маршу за свободу слова) и демонстрации в защиту Земли. Основываясь на публикациях в соцсетях, а также данных о бронировании жилья в «Эйрбиэнби»¹⁰ и предварительных продажах автобусных билетов, телекомментаторы предсказывают, что подобное политическое рвение самого противоречивого толка приведет к тому, что явка на этот совместный марш потребует привлечения всех городских ресурсов. Момент будет самый подходящий. Ранее в новостях уже не раз сообщалось, как подобные широкомасштабные мероприятия приводят к перегрузке сотовых сетей. Полиция будет по уши в протестующих и погромщиках, как это происходило на протяжении последних нескольких лет. Наступит натуральный хаос.

Это просто идеальный день, чтобы убить Уилла Бэчмена.

¹⁰ «Эйрбиэнби» (англ. Airbnb) – популярная интернет-платформа для временной аренды жилья, в первую очередь в частном секторе.

2

Вот то, что мне известно про Уилла Бэчмена.

Проживает по адресу Северо-западная Мэрион-стрит, 1530, в точности в одной тысяче шестистах семидесяти пяти футах¹¹ от моей общаги. Ближайший от его дома отдел полиции в пяти минутах езды. Его дом – часть квартала шпалерной застройки, с обеих сторон к нему вплотную примыкают другие такие же дома. Окна первого этажа и входная дверь забраны железными решетками. В течение прошлого года в непосредственной близости от него совершено тридцать три насильственных преступления – в основном вооруженные ограбления.

А вот что удалось выудить из его аккаунтов в соцсетях.

Уилл Бэчмен – член студенческого братства «Сигма-Альфа-Эпсилон» (САЭ), штаб-квартира которого находится в нескольких кварталах от его дома. Сосед по съемной квартире – некто Корди, тоже из САЭ. Уилл Бэчмен только что перешел на третий курс, специализируется на политологии и подумывает в качестве второй профильной дисциплины взять экономику. Член университетской команды по лакроссу¹², но еще любит плавание. Я как-то плавала с ним, ко-

¹¹ 1675 футов – примерно 510 м.

¹² Лакросс – контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и напоминающих сачки клюшек с длинной

гда мы были помладше. Любит музыку в стиле «хаус» и курить траву. Владеет черным «Фольксвагеном Джетта», который какой-то урод недавно тюкнул на парковке возле супермаркета «Джайант». Читает «Драдж рипорт»¹³ и считает, что всех нытиков и либерастов пора давно прижать к ноге. У него есть мать, которая появляется на публике исключительно в жемчугах и волонтерствует в «Красном Кресте», и младший брат, проживающие по адресу 08754, Нью-Джерси, Томз-ривер, Хоппер-стрит, 235.

Могу предположить, что затаривается Уилл в основном в «Джайанте» в Шо, поскольку именно там ему и помяли тачку, а в каком-то из интернет-постов он жалуется, что в ближайшем от его дома супермаркете «Сейфуэй» «полно всяких мудаков, из-за которых очередь едва двигается». Я знаю, что он частенько бывает в «Баттеркрим бейкери», поскольку в одном из недавних постов похвастался, что получил там свою десятую порцию кофе бесплатно. Как-то раз Уилл посеял свой мобильник на Четырнадцатой улице, где-то между Пи-стрит и Эс-стрит, возвращаясь домой в изрядном подпитии, так что наверняка частенько зависает в этом районе. А вот забираться восточнее Седьмой улицы не любит «из-

рукояткой, нечто вроде хоккея на траве с возможностью высоких бросков из-за головы.

¹³ «Драдж Рипорт» (*англ.* Drudge Report) – новостной интернет-ресурс правого толка, нечто вроде дайджеста материалов из других изданий с короткими редакционными комментариями.

за местных»¹⁴. В прямой видимости от входной двери дома Уилла есть небольшая кондитерская. Того рода местечко, в котором можно засесть с чашечкой кофе на несколько часов, и никто и не просечет, что на самом-то деле ты наблюдаешь за домом через дорогу, строя коварные планы.

Нынешний рост Уилла Бэчмена, по моим прикидкам, – шесть футов и один дюйм. Команда по лакроссу в Адамсе не из последних, так что наверняка парень он накачанный и физически явно сильнее меня – то, о чем мне не следует забывать ни на секунду. У него густые светлые волосы и тонкая верхняя губа. Предпочитает рубашки поло и свободные штаны цвета хаки. Носит на шее ожерелье из маленьких белых ракушек.

Его дружки – вполне предсказуемый набор из состоящих в студенческих братствах тусовщиков и игроков в лакросс: в основном белые, с красными от пива физиономиями, на мутных картинках в интернете вечно тычут во что-то пальцами. Они пьют пиво, проводят тематические вечеринки, ходят под парусом на реке Потомак. Для них и тусовка не тусовка, если кто-нибудь в итоге не загремит в больницу с алкогольным отравлением. #YOLO¹⁵

Что же касается Корди, то излюбленные темы его постов –

¹⁴ Восточнее Седьмой улицы в Вашингтоне начинаются кварталы, населенные в основном чернокожими.

¹⁵ YOLO (*англ.* you live only once) – «живем только раз» – интернет-тег, популярный среди тусовщиков.

компьютерные игры и НФЛ¹⁶. Со своей подружкой, Мирандой Йи, они вроде то сходятся, то расходятся, но на данный момент опять вместе, и он частенько остается ночевать в ее квартире на Дюпон-сёркл, оставляя Уилла в полном одиночестве. Еще в их компашку входит Майк Эйри, тоже игрок в лакросс и член САЭ. На фотках этот Майк обычно фигурирует в окружении целой стайки девиц с высунутыми языками, облапив их за плечи. Я запросто могу стать такого рода девицей – из тех, кто проскальзывает в чью-то жизнь и выскальзывает обратно практически незамеченной. Уилл, Корди и Майк недавно участвовали в каком-то мероприятии, организованном неким Чарльзом Портмонтом. Чарльз тоже из САЭ, и его аккаунт в Инстаграме буквально забит постами про всякие светские тусовки. На одной из последних таких фоток Уилл и его дружки во всем белом, на каком-то благотворительном сборище. Поиск на скорую руку в интернете показывает, что отец Чарльза, Люк Портмонт, – председатель национального комитета Республиканской партии от штата Вирджиния, а программа мероприятия включала лобстеров и эксклюзивные коктейли.

У Уилла Бэчмена нет подружки, поскольку братва превыше всего, а бабам доверия нет.

У Уилла Бэчмена наверняка нет ствола – из-за строгих правил касательно оружия в округе Колумбия.

¹⁶ НФЛ (Национальная футбольная лига) – профессиональная лига американского футбола в США.

Уилл Бэчмен постит достаточно инфы про свои занятия в универе, чтобы сообразительный человек мог легко составить его учебное расписание. Хэштег #жизньСАЭ фигурирует в его постах достаточно часто, чтобы запросто предсказать, какого рода движуху он и его сотоварищи по студенческому братству собираются замутить на любых предстоящих выходных. Куда они пойдут и с кем, и до какой степени нажрут.

Уилл Бэчмен слишком много пьет и зависает с людьми, которым до него нет никакого дела.

Уилл Бэчмен уже сделал несколько серьезных ошибок.

Уиллу Бэчмену осталось жить ровно шестьдесят дней.

3

Открыв дверь, Леонард пригласил Хлою Севр в свой кабинет.

– Я доктор Уимен, директор программы, но можете называть меня просто Леонард.

Девушка прошла внутрь, с любопытством оглядывая обстановку.

– Садитесь, где вам будет удобно, – произнес он, указывая на несколько стоящих перед письменным столом разномастных стульев и кресел. Роста она была небольшого – где-то пять футов пять дюймов¹⁷, с чистой кожей, немного бледноватая. Большие голубые глаза. В легинсах и просторной рубаше вроде туники, темно-каштановые волосы стянуты в конский хвостик на затылке. Выглядит моложе своих восемнадцати – или, по крайней мере, в данный момент. Доктор Уимен уже видел и другие ее версии в соцсетях – броский макияж, коротенькие облегающие платья, высокие каблуки. К своим аккаунтам она явно относится с большим разбором – якобы «спонтанные» и «небрежные» фотки слишком уж безупречны, чтобы быть таковыми.

Выбрав просторное кресло, девушка уселась на него, поджав под себя ноги.

¹⁷ Пять футов пять дюймов – 165 см.

– Это нечто вроде обычного психотерапевтического сеанса? – спросила она.

– Более или менее, хотя мы в основном сосредоточимся на вашем диагнозе и попробуем обучить вас методам, которыми с ним можно управиться. Как прошла первая неделя?

– Как в тумане, – ответила Хлоя, поднося руку ко рту и прикусывая ноготь. – Я познакомилась с такой кучей народа, что едва помню, как кого зовут. Впрочем, на все нужные мне лекции я уже записалась.

– Подружились с кем-нибудь?

Девушка кивнула.

– С соседкой по комнате – она просто классная, – и еще с кое-какими ребятами из нашего коридора. Мы ходили танцевать. Вы ведь еще не отправляли какие-то опросники, насколько я понимаю?

– То, что вы имеете в виду, – это не опросники, а мониторинг с оценкой по стандартной шкале. Развернутый ответ не требуется – нам нужно просто знать, как вы себя чувствуете в какой-то конкретный момент.

Хлоя опять кивнула, шаря взглядом по толстым томам на стеллаже у него за спиной.

– А когда я познакомлюсь с остальными?

– Тут у нас не группа в детском саду! – пошутил Уимен.

Она показала на свои часы.

– Вы используете их вместе с университетской полицией¹⁸

¹⁸ В принципе, такая же полиция, что и везде, только в качестве «района»

или как? Чтобы знать, где мы?

Леонарду пришлось тщательно сформулировать ответ.

– Ну конечно же нет. Хлоя, нет ничего незаконного в том, чтобы иметь подобный диагноз.

Та угрюмо пожала плечами.

– Люди ведут себя так, будто мы какие-то чудовища. Мой психолог в школе, мама...

– Никакое вы не чудовище.

– Тогда почему вы поставили мне более серьезный диагноз, чем тот, что ставили мне в школе? Это ведь хуже?

– Психопатия ничем не «хуже» диссоциального расстройства личности – это разные вещи, – но люди, к сожалению, частенько путают эти понятия. По-моему, вы, равно как и множество других людей, относитесь к той группе, которым вначале ошибочно поставили ДРЛ, в то время как это должна быть психопатия – а я не убежден, что она относится к «расстройству личности» в классическом понимании этого слова. К несчастью, термин «психопат» прочно связан в общественном сознании с преступностью, поскольку один из основоположников изучения этого вопроса – Роберт Хейр – начал свое исследование именно с преступников и в дальнейшем сосредоточился исключительно на них. Мне бы хотелось, чтобы мы пересмотрели этот термин с более кон-

выступает территория университета или колледжа с ее студенческой спецификой, а финансирование такого отдела полиции обычно осуществляется за счет учебного заведения. Кстати, до революции университетская полиция, основанная уставом 1835 г., имела и в России.

структивной точки зрения.

– Так что вы не считаете, что я представляю собой какую-то опасность?

Леонард уже привык к тому, что поступающие к нему пациенты чаще всего ошибочно понимают свой диагноз, наверняка насмотревшись чернушных полицейских телесериалов и фильмов ужасов. Большинство из них были диагностированы и направлены к нему врачами, которые просто уже не знали, что с ними делать, но для намеченного многоподходного исследования подходили лишь немногие избранные. Главные критерии: молодость, достаточно высокий уровень интеллекта и желание испытать свои силы.

– Это очень распространенное заблуждение. По моим собственным прикидкам, психопаты составляют где-то два-три процента всего населения Америки – представляете, какой хаос воцарился бы, если б все они были опасны? В этом смысле я сильно отличаюсь от большинства практикующих психиатров – ну, для начала хотя бы тем, что действительно всерьез занимаюсь исследованием этого вопроса, что делают очень немногие, но также и по той причине, что не рассматриваю это как нечто, отличное от прочих физиологически обусловленных расстройств вроде шизофрении.

– То есть рассматриваете это как обычное сумасшествие, – произнесла Хлоя без всякого выражения, словно недовольная услышанным.

– Ладно, тогда давайте скажем, что это скорее биоло-

гически обусловленное ограничение способности понимать и лично испытывать весь спектр человеческих эмоций или же держать под контролем свои импульсивные побуждения.

– В ваших устах это звучит, как дислексия¹⁹ или что-то в этом роде. Моя мама называет это «патологический эгоизм».

– Я не стал бы использовать слово «патологический». Ваш недостаток эмпатии²⁰ вызывается тем, как функционирует ваш мозг. Из-за того, что наряду с прочими эмоциями вы точно так же не испытываете чувства страха, то в итоге неосознанно ищете каких-то сильных ощущений. В данном расстройстве наличествует как эмоциональная – отсутствие эмпатии, манипулятивность, напускное обаяние, – так и асоциальная составляющие, и как раз именно эта сторона больше ассоциируется с преступными наклонностями. Недостаток контроля над импульсивными побуждениями, склонность к рискованному поведению и всё в таком духе. Но в подавляющем числе случаев все это так или иначе сводится к физиологии.

– Если это физиологически обусловлено, почему вы просто не дадите мне какое-нибудь лекарство?

– Типично американский вопрос, не так ли? Но увы – никакой успешной схемы медикаментозного лечения психопата-

¹⁹ Дислексия – избирательное нарушение способности к овладению навыками чтения и письма при сохранении общей способности к обучению.

²⁰ Эмпатия – способность к сопереживанию.

тии по-прежнему не существует. Я надеюсь изменить эту ситуацию, а также то, как люди в принципе рассматривают это заболевание. А еще официальную терминологию – всякий раз, стоит появиться душевнобольному серийному убийце или «массовому стрелку»²¹, как все с ходу называют их психопатами.

– Но разве многие из нас не оказываются в итоге за решеткой? – возразила Хлоя. Не стала сразу с ним соглашаться. Это сообщило о ней кое-что интересное. Она испытывала его.

– Тюрьмы и вправду переполнены психопатами, составляющими непропорционально большую часть их контингента, но это скорее говорит об отсутствии контроля за импульсивными побуждениями, чем о чем-то еще. Большинство психопатов не оказывается в итоге за решеткой и, выбрав правильный путь, может придерживаться нормального созидательного образа жизни, не разрушая отношений с окружающими.

– А что, если они изберут неправильный путь? Что, если такие люди не считают, что с ними что-то не так?

– Если они не способны самостоятельно разобраться, как

²¹ В отличие от «серийного убийцы», термин «массовый стрелок» в русском языке пока не прижился (к счастью), но в США с некоторых пор прочно вошел в обиход – по причине высокой распространенности явления. Речь идет о преступниках, целью которых является расстрелять за короткое время как можно больше людей – в школах, университетах, ресторанах, на массовых мероприятиях и пр.

жить в этом мире, то да – они могут принимать неверные решения и в итоге закончить свои дни в тюрьме или же так и продолжают использовать в своих интересах других людей, пока не будут вынуждены покинуть родные края и остаться в полном одиночестве.

Она пожевала нижнюю губу.

– И вы думаете, что нечто подобное меня не ждет?

– Я в этом просто уверен. У вас великолепные оценки, а это свидетельствует о том, что вы и вправду способны контролировать свою импульсивные побуждения, когда вам это требуется. У вас есть друзья и увлечения и никакого криминального прошлого.

– Это всего лишь потому, что я ни разу не попалась, – с ходу пошутила она. Как и многих психопатов, ее окружала аура свободной уверенности в себе. Никакой неловкости, часто заметной у только начинающих взрослеть недавних подростков, все еще неуютно чувствующих себя в собственном теле. – Тогда какая разница между психопатом вроде меня и тем, кто оказывается в камере смертников из-за того, что собрал целую коллекцию человеческих голов?

– Ну, для начала у них недостает вашего умения выйти сухими из воды, – в свою очередь отшутился Леонард, и Хлоя громко расхохоталась. – Это не то, из-за чего вам стоит переживать, – у подобных людей обычно еще и целый букет других проблем. Необратимые последствия черепно-мозговых травм в детстве, склонность к садизму... Но можно не

испытывать эмпатии, и не будучи садистом.

– О! – воскликнула Хлоя, отведя взгляд, чтобы уставиться за окно, и с самым серьезным видом нахмурилась. – А что если это как раз мой случай? Что, если моя мама в детстве уронила меня и я стукнулась головой?

– Существует множество факторов, из-за которых люди склоняются в эту сторону. Вам когда-нибудь хотелось причинить кому-нибудь физический вред?

– Вообще-то вопрос с подвохом... Любой когда-нибудь может жутко разозлиться. Порой думаешь: «Господи, так бы их всех и прибила!»

– Но вы же никогда не хотели причинить людям вред, настоящий вред, просто чтобы посмотреть, как они мучаются от боли?

Хлоя пожала плечами, опять прикусив ноготь.

– Только в собственном воображении.

– Вам когда-нибудь приходилось мучить или убивать животных?

– Нет, – твердо ответила она.

«А твоя мамочка совсем другое мне рассказывала», – подумал доктор Уимен, молча пометая в блокноте точное время. Она сказала «нет» с совершенно открытым и честным лицом, ни секунды не колеблясь. Посмотреть переданные в этот момент данные со смарт-часов можно будет и позже – проверить, не изменился ли у нее пульс. Это едва ли детектор лжи – да и не особо-то верил он в подобную технику, –

но физиологические особенности психопатов давно интересовали его.

– Я просто хочу жить обычной жизнью. Хочу стать врачом, найти себе достойную пару, завести кучу друзей и, может, вести собственный видеоблог.

– Как и очень многие люди вроде вас. Вы наверняка встречали таких в своей повседневной жизни – журналистов, врачей, учителей, даже руководителей высшего звена.

Хлоя робко улыбнулась. Леонард получил еще одно напоминание, почему он так любит свою работу – из-за таких вот перспектив.

– Так что я все-таки могу стать врачом?

– Если изучите и как следует освоите ту технику, которой мы вас обучим, и не будете нарушать закон, то почему бы и нет? Вы можете стать абсолютно кем угодно.

4

Когда Андре спустился в прихожую, чтобы поставить у двери прозрачный пластиковый контейнер с приготовленными с вечера вещами, в ноздри ему залетел аромат вафель. Обычно этот запах сразу пробуждал у него зверский аппетит, но сегодня утром где-то в желудке закрутился тугой клубок нервов. За последние два года его школьной жизни у них с матерью уже вошло в обычай: он встает пораньше, чтобы позавтракать вместе с ней, прежде чем самому отправиться в школу, а ей – на работу. Ему нравилось это время, когда они ненадолго оставались наедине. Отец часто работал в ночную смену, а Исайя, старший брат Андре, был не из тех, кто встает раньше полудня.

– Все собрал? – спросила его мать, когда он вошел в кухню, и сразу налила ему стакан сока. На ней была голубая форма медсестры, которую она надевала на работу.

– Вроде да. Еще заеду, если вдруг что-нибудь забыл, – отозвался он, усаживаясь за стол. Родители предлагали ему помочь с переездом в кампус, и Андре едва их отговорил, сославшись на то, что живут они в Брукленде, в северо-восточном квадранте²² Вашингтона, откуда до университета имени

²² Северо-восточный квадрант Вашингтона – район, населенный в основном чернокожими. Помимо всего прочего, отличается достаточно высоким уровнем преступности и считается опасным.

Джона Адамса всего полчаса езды на автобусе. Нескрываемое разочарование, которое вызвал у них этот неприкрытый отказ, оставило у него на душе неприятный осадок, но было реально критично, чтобы в Адамсе они появлялись как можно реже, и он отбрехался тем, что они будут его только смущать.

Пока завтракали, смотрели новости на маленьком телевизоре в кухне, где показывали последствия наводнения в Северной Каролине, вызванного ураганом. Этого сюжета, за которым последовал какой-то репортаж о ядерных вооружениях, оказалось достаточно, чтобы мать неодобрительно хмыкнула.

– Андре, ты хотя бы университет закончить успеешь до конца света!

Оба рассмеялись, немного горько и беспомощно, как и вообще большинство людей в эти последние несколько лет, когда основными новостями в телевизоре были лишь очередная стрельба в какой-нибудь школе да оружие друг на друга политики.

После завтрака Андре подхватил обеими руками свой пластиковый контейнер и вышел за дверь вместе с матерью, откуда оба направились к разным автобусным остановкам. Она немного задержалась, чтобы обнять его. Мать у него была худенькая – все Дженсены были худенькими, – и что бы она ни ела, так и не набирала вес. Ее худоба беспокоила его, казалась какой-то нездоровой, но обняла она его с нежиз-

данной силой.

– Тебе точно не надо помочь? Я могу взять отгул...

Андре помотал головой.

– Тогда кинь эсэмэску, как только будешь на месте, – закончила она, как будто он собирался черт знает куда-то за океан.

Андре кивнул и укрылся под навесом автобусной остановки. Дома на Лоуренс-стрит стояли в основном на некотором расстоянии друг от друга – маленькие домики на одну семью в окружении ухоженных садиков. У дома Андре, как и у большинства остальных на этой улице, имелась большая терраса, на которой частенько собирались друзья и знакомые.

Забравшись в автобус, он уселся на свободное место, поставив контейнер с вещами на колени. Шумно выдохнул. «Ладно, – подумал, когда погромыхивающий автобус покатил дальше, – одно дело сделано, так что дальше все будет пучком».

Автобус подкатил к следующей остановке и с шипением пневматики наклонился набок – специально для тех, кому не под силу подняться на ступеньку. Вошла какая-то невысокая женщина, и, едва заметив ее, Андре тут же поднял руку, чтобы помахать ей. Миз²³ Бейкер ходила в одну церковь с его матерью и имела свое мнение относительно всего на свете.

– Андре Дженсен! – промурлыкала она, усаживаясь рядом

²³ Миз – госпожа...; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней.

с ним на противоположной стороне прохода. Плотнo набитый контейнер – новенькие учебники наверху, одежда внизу – она явно сразу же заметила. – В колледж? На чем думаешь специализироваться?

– Да я этот универ еще и в глаза не видел!

– Было же у тебя время подумать.

– На журналистике, наверное. – Ответив, он почувствовал себя слегка по-дурацки – всего два года назад мысль о колледже представлялась совершенно несбыточной мечтой.

– Ну что ж, лучше уж приноси домой одни пятерки!

Ласково похлопав его по плечу, миз Бейкер углубилась в прихваченное с собой вязание. Прислушиваясь к негромкому пощелкиванию спиц, Андре терялся в догадках, что услышат от нее про него остальные дамы в церкви. Чуть ли не у каждого в их районе имелось свое собственное мнение о Дженсенах. Приличное семейство из среднего класса, сраженное жуткой трагедией. Но Дженсены устояли – теперь уже четверо вместо пяти. Это дорогого им стоило – эти вафли на завтрак, вся эта суматоха с отправкой Андре в колледж – улыбка, туго натянутая над бездной печали. Первой поступить в колледж должна была Киара.

Побрякивающий автобус продолжал катить дальше, пересек Тринадцатую улицу. Андре пытался не думать про Киару, но мыслями все равно постоянно возвращался к ней – точно так же, как иногда машинально начинал прикусывать зубами шишечку на внутренней стороне щеки. Больно, но

никак не удержаться. Ему было двенадцать в тот день, когда в школе появилась мама – все в той же голубой униформе – и вызвала его из класса. Она *никогда* не прогуливала работу, так что он сразу понял: что-то случилось. Когда они двинулись по улице в сторону дома, мать объяснила:

– У твоей сестры был приступ астмы.

– Вот как?

– В танцклассе. Очень серьезный.

Лицо у матери было какое-то странное – пепельное, застывшее.

– Так она сейчас в больнице?

– Он умерла, Андре, – отозвалась мать. Мимо с ревом пролетел мотоцикл, почти заглушив ее слова, и ему показалось, что он ослышался.

– Что-что?

Она смотрела прямо перед собой, на какой-то невидимый горизонт – так пристально и сосредоточенно, словно все должно было сразу наладиться, когда они доберутся туда.

– У нее был приступ астмы, очень серьезный. Они вызвали «скорую». А та ехала целых сорок минут, – тихо проговорила мать.

Никто вокруг них словно и не заметил тяжести произнесенных ею слов. Мужчина, выгуливающий старую собаку. Женщина, которая игралась со своим телефоном и даже не подняла взгляд, проходя мимо. Мать Андре не смотрела на него, пока они спешили домой, и в тот момент это обидело,

но потом он понял почему: если б она посмотрела на него, то наверняка сразу расплакалась бы. Что и произошло, как только они переступили порог дома в окружении застывших без движения родственников.

И вот теперь, наконец-то все-таки пробившись в колледж, он стал предметом гордости семьи, пережившей столь страшную трагедию. Парень, который сумел в корне изменить свою жизнь, несмотря на все удары судьбы. Киара была круглой отличницей. Она наверняка пошла бы учиться в юридический. Жизнь еще одного черного потеряна, и никто не ведет им счет²⁴.

Телефон Андре коротко прожужжал – уведомление. Он быстро вставил в уши горошины наушников. Только что поступил новый эпизод «Невероятной жестокости» – недавнего подкаста, посвященного реальным преступлениям, по которому он просто с ума сходил. В этом месяце была обещана десятисерийная история убийцы по прозвищу Зодиак²⁵ –

²⁴ Намек на политическое движение под лозунгом «Жизни черных важны» (BLM – Black Lives Matter), инспирированное гибелью чернокожего правонарушителя-рецидивиста Джорджа Флойда при задержании полицией в Миннеаполисе в 2020 г.

²⁵ Зодиак – псевдоним так и не установленного американского серийного убийцы, действовавшего в Северной Калифорнии с конца 1960-х до начала 1970-х годов и совершившего семь установленных нападений, после второго из которых он разослал серию издевательских писем в местные газеты, используя в качестве подписи псевдоним Зодиак и специфический символ, напоминающий кельтский крест. В своих письмах Зодиак постоянно сообщал о новых жертвах, в конечном итоге заявив о совершении 37 убийств, хотя есть мнение, что он мог преувеличи-

Андре уже успел прослушать каждую из шести первых частей, причем не по одному разу.

Хрипловатый голос ведущего постепенно превращался в неразборчивый звуковой фон, пока город по мере продвижения автобуса к западу становился все «белее» – все меньше жилых домов, все больше кофеен и ресторанов. Несмотря ни на что, Андре уже не мог сдержать радостное возбуждение, до хруста крутя головой на плечах, словно боксер, собирающийся подняться на ринг. Наконец автобус въехал в Шо и подкатил к ближайшей от университета остановке.

Андре разыскал Тайлер-холл, которому предстояло стать его домом на следующие девять месяцев, – длинное здание, занимающее половину квартала, кирпичное, с аккуратными рядами окон. В некоторых красовались флаги различных стран, а также достаточно многочисленные плакаты: «Президента – в отставку!», «Дорогу беженцам!» и «BLM».

Он зашел в вестибюль, где за раскладным столом сидели три энергичного вида белые девицы, регистрирующие вновь прибывших. Назвался.

– Так, Дженсен, Дженсен... Вот оно, – пробормотала одна из них, перебирая стопку картонных конвертов. Вычеркнув его имя из списка, она вручила ему конверт. – Здесь все необходимые ознакомительные материалы – карты, перечень

вать число жертв из-за жадности внимания СМИ и стремления запутать расследование. Поскольку личность и судьба преступника остаются неизвестными, «дело Зодиака» продолжает привлекать внимание самодеятельных исследователей.

полезных мест и так далее. Карточка – ваш студенческий билет; он используется практически для всего, чего угодно. В том числе как электронный пропуск в общежитие. Обычно у входа есть дежурный из студентов, который попросит вас провести его по считывающему устройству. Ваши ключи от комнаты тоже здесь, и просто для вашего сведения: если вы случайно захлопнете дверь, то после третьей такой промашки за открытие двери взимается штраф – десять долларов. Похоже, что ваш сосед по комнате еще не зарегистрировался. Если возникнут какие-то вопросы, разыщите на этаже завхоза. Его зовут Девон, он тоже из студентов.

Засунув конверт под мышку, Андре поднялся в комнату 203 – прямоугольную, с двумя двуспальными кроватями у противоположных стен. Слева обнаружился небольшой чистенький туалет с душевой кабинкой, выложенной белой плиткой.

Вынув из контейнера почти все содержимое, с самого его дна Андре достал свою главную драгоценность, старательно обернутую в два свитера в дополнение к ее собственному мягкому чехлу, – фотоаппарат, подаренный родителями на день рождения. По словам отца, который основательно изучил эту тему в интернете, внимательно всматриваясь в экран монитора сквозь бифокальные очки, камера представляла собой серьезный шаг вперед по сравнению с тем фотиком, который Андре как-то сам купил подержанным на «И-бэй»²⁶.

²⁶ «И-бэй» (англ. Ebay) – популярный интернет-аукцион, нередко используе-

Приличная цифровая зеркалка для серьезных начинающих фотографов. Перед окончанием школы Андре успел побывать на двух занятиях в фотостудии районного общественного центра, решив, что, кем ему ни доведется стать – журналистом, блогером, подкастером, – умение профессионально обращаться с камерой всегда ему в жизни пригодится.

До регистрации в программе на психфаке оставалось несколько часов свободного времени. Сделав несколько телефонных звонков в университетскую бухгалтерию, он окончательно убедился, что действительно принят на учебу, а деньги за обучение и все необходимые сборы полностью выплачены. Нет, это была не шутка.

Андре услышал, как в замке поворачивается ключ, после чего в комнату вошел какой-то парень и посмотрел на него. Невысокий, с бритой головой, в синем джемпере и с красным галстуком-бабочкой, несмотря на жару угасающего лета.

– Как думаешь, они специально селят черных вместе? – спросил он.

Андре рассмеялся – сам про то же самое подумал.

Парень сказал, что его зовут Шон, и, разбирая вещи, они немного потрепались. Выяснилось, что новый сосед из округа Принс-Джордж, что в Мэриленде (название штата он произнес скорее как «Мурриленд»). Среди выпускников своей школы второй по успеваемости. Шон настоял, чтобы Андре держался как можно дальше, пока он вешает на стену огром-

ную киноафишу – Андре не без удовольствия отметил, что это афиша фильма «Чужой».

– Величайший ужастик всех времен и народов! – воскликнул Шон.

– Гм, думаешь?

После этого они немного поспорили о достоинствах различных фильмов ужасов, особо не пытаясь навязать друг другу свое мнение, и Андре ощутил укол удовольствия от того, что у них уже нашлись общие интересы.

В университетский книжный магазин за учебниками отправились вместе, всю дорогу не закрывая рта. «А мне он типа как нравится», – осознал Андре. И сразу же пришлось принимать первое решение, связанное со всей схемой его поступления в колледж: признаваться ли Шону, что его соседу по комнате, с которым ему предстоит прожить бок о бок чуть ли не целый год, поставлен диагноз «психопатия»?

Первая открытая ложь далась довольно легко: Андре объявил, что ему надо заглянуть в бухгалтерию, чтобы утрясти вопросы с оплатой учебы, в то время как на самом деле наступало время идти регистрироваться в программе на псих-факе. Шон эту ложь с готовностью проглотил, и Андре сверился с картой кампуса. Выглядело здание факультета жутковато – как будто он и без того уже недостаточно нервничал. Почему-то готического вида, несмотря на окружение современного кампуса. Интересно, подумал Андре, поднимаясь по лестнице по ступеньке за раз, не накроется ли вся его

игра медным тазом в ту же секунду, едва только доктор Леонард Уимен положит на него глаз. Доктор наук как-никак...

Андре постучался в открытую дверь с номером 615, и пожилой белый мужчина, наверное, лет семидесяти с небольшим, виновато развел руками. Он как раз впился зубами в огромный, соблазнительного вида сэндвич с пастрáми²⁷. Доктор смущенно показал на свой набитый рот и махнул Андре – давай, мол, заходи. Через небольшую приемную тот прошел вслед за ним в кабинет. Сел и стал смотреть, как Уимен, все еще дожевывая сэндвич, собирает стопку бумаг.

– Простите, я в курсе, что вам назначено, но весь день и крошки во рту не было! – воскликнул наконец хозяин кабинета.

Пожимая ему руку, Андре почему-то испытал какое-то странное чувство.

– Андре... Дженсен... Дженсен, – бормотал Уимен, отыскивая что-то в компьютере. – Ага, нашел.

И только тут Андре осознал, что именно его беспокоило, хотя это не имело ни малейшего смысла. Раньше он никогда не встречался с Уименом, они даже по телефону не общались, – Андре был в этом на сто процентов уверен. Но если это действительно так, то почему же этот человек, которого он и в глаза не видел, выглядит так знакомо?

²⁷ Пастрáми – особым способом копченое мясо, рецепт приготовления которого был изобретен в конце позапрошлого века в Нью-Йорке. Считается, что название образовано от слов «пастромá» (тоже разновидность мариновано-копченого мяса, существующая уже много веков) и «салями».

Обратный отсчет: 54 дня

Билли – это один из тех парней-гребцов с детскими личиками на моем этаже в «Брюсере». Удача или судьба, называйте как хотите, пока что на моей стороне. Когда в тот первый вечер мы всем этажом отправились на танцы, я случайно услышала от него, что его старший брат состоит в САЭ. Так что я немного пофлиртовала с Билли, зная, что это может означать дальнейшие приглашения на вечеринки или прочие полуночные движухи, устраиваемые дружками Уилла Бэчмена. Билли с ходу сообщил мне, где находится штаб-квартира САЭ, и пообещал, что возьмет меня с собой, когда там состоится коллективная пьянка, посвященная началу нового учебного года.

Ждать нужно до ближайших выходных, и я в нетерпении. Когда прохожу оживленными улочками кампуса в промежутках между лекциями, какая-то часть меня продолжает искать Уилла. Понятия не имею, как поступлю, если вдруг и впрямь его увижу, и почти боюсь сорваться с поводка, совершенно не думая головой. Не знаю, узнает ли он меня – мы уже несколько лет не виделись. Всякий раз, сидя на очередной лекции – по биологии, натурфилософии, – шарю взглядом по остальным студентам, выискивая его светлые патлы. Естественно, Уилла нигде нет. Он все-таки уже на третьем

курсе, и на вводных лекциях для первокурсников ему делать нечего.

Как только убеждаюсь, что в аудитории его нет, расслабляюсь и продолжаю осваиваться, исследуя территорию. Я из так называемых аудиалов: хорошо воспринимаю информацию на слух, особо много конспектировать мне не надо, так что во время этих первых лекций в основном принимаюсь к своим однокашникам. Только к концу первого дня понимаю, что если я вижу на ком-то глянцевые черные смарт-часы, то вовсе не обязательно делать стойку. Носит их целая куча народу, не только студенты из моей программы. Но все эти люди – мои конкуренты за место в медицинском, мои будущие друзья и враги. Они могут стать для меня как сообщниками, так и препятствием. Могут стать даже любовниками – в последнее время меня основательно тянет на секс. Поглядываю на широкоплечего парня в первом ряду, но когда он оборачивается, вижу его лошадиную физиономию. Какой облом!

В общагу после занятий специально возвращаюсь окольным путем, чтобы пройти мимо дома, в котором базируется САЭ. Тот стоит на перекрестке двух обсаженных деревьями улиц, на угловом участке – трехэтажный дом в викторианском стиле из темно-оранжевого кирпича, крытый потемневшей от времени деревянной дранкой. Здесь имеется дворик, усыпанный пивными банками и сдутыми мячами, с парой изрядно помятых закопченных грилей. Иногда вижу там

«братьев», сидящих на садовых стульчиках, потягивающих пиво и наблюдающих за проходящими студентами – в основном за девчонками.

Каждый раз просто прохожу мимо, прижимая к себе свой лэптоп и незаметно изучая дом. Его двери (их две, передняя и задняя), насколько близко тут соседи (просто доплюнуть можно) и есть ли незаметные пути отхода отсюда (да, это переулок на задах, где постоянно темно и нет камер наблюдения). Уилл пока что ни разу не попался мне на глаза – надо обязательно выяснить, как часто он тут бывает.

Но вот на третий день занятий в очередной раз прохожу этим маршрутом и вижу трех парней, сидящих во дворе. Один встречается со мной взглядом, и я отвечаю ему быстрой робкой улыбкой, означающей, что на меня легко произвести впечатление.

– Эй! – кричит он, привставая. – Как тебя звать?

Даже сам тон у него покровительственно-насмешливый.

– Хлоя, – отзываюсь я, замедляя шаг и подступая ближе. Быстро перевожу взгляд правее, и сердце у меня замирает, поскольку я моментально опознаю одного из парней, обнаружившихся в ходе моих интернет-исследований, – Корди, соседя Уилла по съемной квартире. Нужно им понравиться, что, похоже, будет нетрудно. Веди себя приветливо, не спорь, не возражай, в основном слушай – ты можешь молчать как рыба, и парни все равно сочтут тебя замечательной собеседницей.

– Хошь пивка? – спрашивает тот, первый.

– Конечно, – с готовностью соглашаюсь я. Перешагиваю через низенькую чугунную оградку, окаймляющую участок, ощущая на себе их взгляды. Они представляются и подсовывают мне садовый стульчик – чувствую сырость на заду, когда усаживаюсь на него. Тот, кто предложил мне пиво, – Крис, второкурсник. Корди – это Корди, а третий парень – Дерек, этот учится на третьем. Они продолжают задавать свои вопросы-подколки, и я отчаянно флиртую им в тон, хохоча так, будто уморительней ребят в жизни не встречала.

Вскользь упоминаю про лакросс, но никто не заглядывает наживку. Некоторое время просто потягиваем пиво, отпуская цветастые замечания про проходящих мимо людей, и я пытаюсь успокоиться и не спешить, повторяя себе, что сбор информации требует терпения и что все ими сказанное когда-нибудь обязательно мне пригодится. Все, что мне сейчас требуется, – это получить приглашение в этот дом, чтобы произвести более серьезную разведку, но если я буду навязываться буквально через десять минут после знакомства, это явно будет выглядеть несколько подозрительно. Пожалуй, пока не стоит – по крайней мере, если я не хочу, чтобы кто-то из них решил, будто меня можно с ходу лапать.

Молча откладываю в голове несколько имен других «братьев», которые они упоминают. Насколько все-таки тесны узы в этом студенческом братстве? Если Уилл вдруг исчезнет, организуют ли они поиски, или же так и будут подпай-

вать первокурсниц дешевым пивом? Разговор заходит о протестах.

– М-да, есть что вспомнить, – произносит Корди. – В прошлый раз я даже вел у себя на канале прямую трансляцию оттуда, в реальном времени. Аккурат до того момента, как началась буза.

Делаю себе мысленную пометку – Уилл вполне может быть вписан и в такого рода занятия своего соседа по квартире.

– По-моему, на этих выходных тоже что-то такое намечается. Хотя до первого октября по-любому свалю на хрен из города. Терпеть не могу такие толпы. Анархия, блин, мать порядка... – вступает в разговор Дерек. – Ну а ты, санитарочка?

Они уже начинают называть меня «санитарочкой», поскольку я успела признаться, что посещаю вводные лекции медицинских курсов. Как будто есть что-то смешное в том, когда девчонка уже в свою первую неделю в универе знает свою специализацию. Уверена, что это не имеет ровно никакого отношения к тому статистическому факту, что женщины гораздо реже бросают учебу, чем мужчины.

– Пока не решила, – отвечаю я.

Крис бросает взгляд на свой телефон.

– Великий и ужасный Чарльз опять собирается замутить движуху за городом. С бесплатным баром.

Разговор прерывается, когда из окна на третьем этаже

вырывается визгливый электронный вой – кто-то поставил микрофон слишком близко к динамикам, вызвав «наводку».

– Сапожник! – орут двое моих собеседников в унисон.

Дверь заднего хода с москитной сеткой открывается, и из-за нее появляется какой-то парень. Сердце у меня пропускает удар. Это не Уилл, но этот новый персонаж полностью отвлекает меня от стоящей передо мной задачи. Он чуть постарше остальных и не сводит взгляд со своего «Айфона». Ростом он, наверное, футов шести, а телосложение как раз такое, как я люблю, – узкие бедра, рельефная, но не перекачанная мускулатура. В отличие от других парней, прилично одет – в дизайнерские джинсы и тонкий темно-зеленый свитер. А когда он поднимает взгляд, я окончательно сражена. Лицо – практически образец классической красоты: четко очерченные скулы, тонкий прямой нос, а глаза такие зеленые, что притягивают взгляд даже через двор. Чувственный рот. Волосы светло-каштановые, с того рода стильной челкой, что в последнее время у парней – самый писк.

– Помяни черта... – замечает Корди.

Парень отрывается от своего телефона, сбрасывает его в карман и подходит ближе, чтобы достать пиво из сумки-холодильника.

– Чарльз, это наша новая подруга Хлоя. Первокурсница, – представляет меня Корди. – А это Чарльз, великий и ужасный.

Отлично – похоже, Корди уже у меня в кармане. При-

стально смотрю на великого и ужасного Чарльза, старательно пытаюсь выразить этим своим взглядом все то восхищение, которое и в самом деле испытываю.

Он едва достаивает меня короткого кивка.

– Добро пожаловать в Адамс. Советовал бы держаться подалеже от раздолбаев вроде этой троицы.

Остальные раздражаются протестующим гомоном. Великий и ужасный Чарльз ухмыляется – больше им, чем мне, – демонстрируя идеальные белые зубы, и с хлопком открывает банку с пивом.

– У меня сейчас со всей этой предвыборной мутотой дел по горло – потом пообщаемся, парни.

Я разочарована, но с его уходом вновь обретаю способность нормально мыслить.

– Погодите-ка – Чарльз? В смысле, Чарльз Портмонт?

Крис кивает.

Тот самый Чарльз Портмонт из «Инсты» Уилла! С каждым новым членом его окружения я подбираюсь все ближе, словно коршун, сужающий круги.

На моих смарт-часах вдруг появляется восклицательный знак. Решаю, что в САЭ засветилась уже достаточно, и, не желая больше зря тратить время, раз уж Уилл здесь вряд ли в скором время объявится, начинаю прощаться. Расстаемся на высокой ноте. Так, чтобы они ожидали большего.

Ну что ж, посмотрим, что это за мониторинг настроения такой. Отхожу подалеже, не желая, чтобы геолокация зафикс-

сировала меня возле штаб-квартиры САЭ. Улица обсажена деревьями со все еще густой осенней листвой. Освещение – почти то, что у фотографов называется «режим», тот час перед закатом, что идеален для селфи. Останавливаюсь возле одной из деревянных скамеек, изрезанной именами выпускников, быстро щелкаю фотку и переключаю внимание на часы.

Касаюсь пальцем экрана. На самом верху высвечивается время, но цифры тут же тускнеют, и появляется надпись: «Пожалуйста, оцените силу своих эмоций по семибалльной шкале, где “7” – максимальный показатель, а “1” – отсутствие той или иной эмоции вообще».

Еще раз прикасаюсь к экрану, открывая программу.

«Счастье».

Ставлю двоечку.

«Беспокойство».

Единица.

«Возбуждение».

Пятерка.

«Гнев».

Шестерка.

Обратный отсчет: 53 дня

Заглядываем с Джессикой в университетский книжный в компании ватаги девчонок из нашей общаги, после чего тащимся домой, нагруженные тяжеленными сумками с явно переоцененными учебниками.

– Не пойму, почему мне нужно обязательно брать десятое издание, когда оно на пятьдесят баксов дороже девятого? – возмущается моя соседка, сбрасывая сумки на пол нашей комнаты в общаге. Все остальные двери по коридору открыты, и все шумно выражают свое согласие.

– Это натуральный грабеж! – вопит кто-то.

– Клеящий гель никто не купил? Постеры надо повесить! – кричит кто-то еще.

Разложив книги на своем письменном столе, делаю передышку. Некая часть меня желает побыть здесь хоть сколько-то еще и заняться тем, чем и положено заниматься в первую неделю в колледже, но, несмотря на опасения пропустить что-нибудь интересное, есть во мне и некая другая часть. Единственное, что утешает, – это что когда я покончу с Уиллом, то тут же с головой окунусь во все прелести студенческого житья-бытья: буду мутить романтические интриги, чисто для удовольствия стравливая между собой девиц, крутить романы с преподавателями...

Подхватываю сумку с ноутбуком, объявив, что мне пора на работу на психфак. Подработка – отличная отмазка для Джессики: ну не говорить же ей, что отныне мне нужно постоянно таскаться туда для участия в беседах и экспериментах, связанных с моим диагнозом «психопатия». Любой человек с менее продвинутым пониманием особенностей моей психики наверняка категорически откажется делить блок в общежитии с «ненормальной», а уж тем более с той, которая по этой причине учится здесь на халяву, вместо того чтобы залезть в кабалу стаффордского займа²⁸, как все хорошие люди.

Дохожу до Мэрион-стрит и с радостью обнаруживаю, что в кондитерской всего лишь двое посетителей в дополнение к двум совсем юным девчонкам, работающим за кассой. Единственное, что я понимаю из их разговора, – это бесконечно повторяющиеся «Да ты чё!», прежде чем обе раздражаются длинными фразами по-арабски или по-эфиопски. Выбираю маленький столик у самого окна, откуда открывается отличный вид на дом Уилла Бэчмена. Открываю свой ноутбук и учебник по биологии, выкладываю перед собой набор разноцветных маркеров. Прочитываю половину главы, всякий раз быстро поднимая взгляд и ставя птичку, когда кто-то проходит мимо дома. Нужно получить представление, насколько плотное здесь пешеходное движение.

Лениво тычу в тачпэд ноутбука, пробуждая его к жизни,

²⁸ Стаффордский заем (*англ.* Stafford loan) – кредит на оплату обучения в США, обычно с 10-летним сроком погашения.

и проглядываю последние посты Уилла в «Инстраграме». Появилась новая фотка – он с кем-то из «братьев» грузит пивной кег в задний отсек хэтчбека. #деньпервокурсника

Задумчиво кружу курсором по открытой заглавной странице «Гугла». Набираю: «Чарльз Портмонт». Сразу же открывается какой-то веб-сайт. Судя по всему, великий и ужасный Чарльз выдвигается в президенты студенческого совета. А вот и его фотка, хотя и не очень удачная, поскольку снят он практически со спины – в основном только очертания этой самой спины и видны на фоне толпы, к которой он обращается с речью. Насколько можно судить по дополнительным ссылкам, университетская газета «Ежедневная сова» (которая на самом деле выходит раз в неделю) его в этом начинании всецело поддерживает, равно как и еще пара каких-то студенческих организаций. Блин, да в Вашингтоне народ и впрямь реально свихнулся на политике! Ну кого волнует, кто президент у каких-то там студиязусов?

Внизу форма обратной связи, где можно анонимно о чем-нибудь спросить. «Есть вопрос к нашему кандидату?» Ну да: «Ты такой же бездушный урод, как и прочие твои сотоварищи по САЭ?»

Опять поднимаю взгляд на дом Уилла и ощущаю почти неодолимое побуждение немедленно что-нибудь предпринять. Почему бы прямо сейчас не пойти туда, просто чтобы разведать обстановку? Какая-то маленькая часть моего мозга сознает, что это идея не из лучших – белый день на дворе,

а вокруг полно народу. Но иногда некая змеиная, рептильная часть моего мозга – нетерпеливая, импульсивная – все-таки берет верх. Эта змеюга хочет взломать окно, пробраться в его спальню, открыть холодильник и плюнуть ему в молоко. Заталкиваю все свое барахло в рюкзачок и выдвигаюсь из кондитерской, перехожу на другую сторону улицы.

Когда хочешь остаться незамеченной в ходе какой-нибудь такой поганки, весь фокус в том, чтобы на лице у тебя было написано, будто ты просто идешь домой заниматься стиркой. Внимательно осматриваю переднюю дверь Уилла, на которой два замка. Я уже купила через интернет неплохой набор отмычек, но вскоре поняла, что в видеоинструкциях на «Ютьюбе» все выглядит гораздо проще, чем на самом деле. Я уже потренировалась дома и на одном-двух соседних зданиях, но едва ли я настоящий профи в этом деле.

Чтобы подобраться к дому с обратной стороны, приходится пройти с полквартала, а потом свернуть в переулок, огибающий ряд ленточной застройки сзади. Подходя к дому Уилла, роюсь в рюкзаке, якобы ищу что-то – типа ключи. Я множество раз так делала, когда тырила всякую мелочовку по магазинам: делала вид, будто чем-то занята – так, чтобы со стороны было непонятно, что на самом деле задача у меня совсем другая, а именно спереть что-нибудь. Чем ближе дом под номером 1530 по Мэрион-стрит, тем сильнее меня охватывает нервное напряжение – тугое, как пружина. Возле соседнего дома возятся двое работяг: пилят кирпичи какой-то

шумной машиной. Шум – это хоть какое-то прикрытие, но все-таки двое свидетелей... У дома Уилла основательно прогнившее на вид крыльцо, поднимающееся к сдвижной стеклянной двери. Чуть в стороне с полдюжины замшелых кирпичных ступенек спускаются ко входу в полуподвальный цокольный этаж, его окна темны и непроницаемы. Замедляю шаг, делая вид, будто отвлеклась на что-то в своем телефоне, и надеясь, что работяги-строители не обращают на меня внимания.

Когда поднимаю взгляд на дом с его грязно-желтой обшивкой, та маленькая часть меня говорит, что надо уходить, что я обязательно попадусь. Змеиная же часть в ответ замечает, что, пусть даже окна первого этажа забраны решетками, сдвижную стеклянную дверь наверняка можно открыть отмычкой, ну а если не выйдет, то тут есть водосточная труба, спускающаяся с крыши, – на вид достаточно крепкая, чтобы залезть по ней наверх.

«Он может быть дома», – мелькает в голове. Нет, сейчас не время для любых открытых столкновений.

А может, все-таки самое время?

Или, может, его вообще там нет?

Но тогда жаль, что у меня нет с собой медвежьего капкана – с удовольствием подложила бы ему такой сюрприз в постель.

Да, стеклянная дверь – серьезное препятствие. Но вот тебе труба, ведущая на крышу, а там окно, на вид довольно

хлипкое. Крыша не так уж и высоко. Лазать я мастер, высоты не боюсь, и, учитывая мой обычный образ жизни, способность по-тихому куда-то проникнуть, найти способ куда-то попасть – это искусство, которым я уже давно овладела. Я всегда была из тех девчонок, что лазают по деревьям и сигают в бассейн прямо с крыши, а заработав синяк или ссадину, не ноют, а опять упорно лезут наверх.

Уже чувствую, как напрягаются мышцы, готовые рвануть тело вперед, но тут меня отвлекает какой-то шум. Один из работяг, глядя на меня, восхищенно присвистывает. Бросаю на него полный отвращения взгляд и быстро удаляюсь, больше злясь на собственную беспечность, чем на него. Иногда меня и вправду заносит, как в этот раз. Я в курсе, что месть – это блюдо, которое полагается подавать холодным, но никто никогда не говорил мне, каково это – ждать последние несколько секунд, когда это блюдо уже подвезли на тележке к столу. Я хочу, чтобы Уилл надежно угодил мне в лапы, беспомощно корчась и извиваясь, как слизняк. Я хочу, чтобы все было идеально. Придется ждать.

А потом, устраиваемая САЭ вечеринка для первокурсников уже завтра вечером, и он определенно будет там, уже ошипанный и готовый отправиться в духовку.

* * *

Направляюсь на психфак для участия в первом экспери-

менте – после этого на сегодня у меня всё. Когда распахиваю тяжеленные деревянные двери здания-замка, внутри тихо, а в лучах света, льющихся из больших окон за изгибающейся широким винтом лестницей, плавают пылинки. Чем-то это здание напоминает мне заброшенную церковь, населенную призраками. Поднимаюсь на знакомый шестой этаж, но направляюсь в противоположную сторону от кабинета доктора Уимена.

Пока иду по коридору, вокруг становится все темнее, одна из люминесцентных трубок с зудением мигает над головой. Нахожу комнату 654-а с кодовым замком на двери. Ввожу код, который сообщают мне мои смарт-часы, и открываю дверь. Свет зажигается автоматически, открывая скорее кабинку, чем комнату. Она стерильно пуста; на стенах никаких украшений, кроме белой доски, и единственный предмет мебелировки здесь – маленький письменный стол с единственным компьютером. Часы, должно быть, ощутили, что я уже в комнате, поскольку на их экранчике появляется надпись: «Пожалуйста, садитесь за стол и следуйте инструкциям на экране компьютера».

Усаживаюсь, пробуждаю комп к жизни, пошевелив мышкой. Перед началом собственно опыта приходится несколько раз подтвердить свое согласие на участие, на обработку личных данных и прочее.

«Тема данного эксперимента – принятие решений и деньги. Деньги, используемые в данном эксперименте – насто-

ящие. Это означает, что если в конце опыта ваша деятельность принесла вам 15 долларов, то вы получите эти 15 долларов наличными».

Неплохо! Щелкаю мышью, открывая следующую страницу.

Всю верхнюю половину экрана занимает изображение пятидолларовой купюры.

«Вы играете с другим реальным человеком. У каждого из вас есть два варианта ответа: поделиться этими деньгами или оставить их целиком себе. Если оба выберут “оставить себе все”, никто не получает ничего. Если один игрок выбирает “оставить себе все”, а другой “поделить”, первый получает все деньги, а второй не получает ничего».

В самом низу две кнопки: «Поделить» и «Оставить все». Это что, шутка такая?

С правой стороны экрана открывается окошко чата. Меня обозначает иконка с надписью «Игрок А», а «Игрок Б» – прямо под ней. Оба молчим.

«Начать игру».

Щелкаю на «Оставить все».

«Ваш баланс: 0 долларов», – сообщает мне компьютер.

Вторая попытка. «Оставить все».

«Ваш баланс: 0 долларов». Эгоистичная сволочь!

То же самое происходит на третьей попытке. «Игрок Б» начинает набирать какое-то сообщение – в окошке чата начинают волнами плавать жирные черные точки, указываю-

щие, что он задействовал клавиатуру.

Если мы оба хотим уйти отсюда хоть с чем-то на кармане, надо обоим поделиться.

А они и вправду отдадут деньги? – печатаю в ответ.

Да. Люблю деньги.

Выходит, тому, с кем я играю, уже приходилось заниматься этим раньше. Это кто-то из остальных шести или просто какой-то случайный доброволец из обычных студентов, привлеченный к эксперименту?

Четвертый раунд. Щелкаю на «Оставить все».
«Ваш баланс: 0 долларов».

Ты же сказал, что поделиться! – высказывает сообщение в чате.

Ты тоже.

Лжец!

Пятый раунд ничуть не лучше.

Просчитай экономическую целесообразность, – пишет

мне мой противник. – *Мы только зря тратим время, не получая ничего. А если скооперируемся, то оба срубим бабла.*

«А если нет, то я получу все», – думаю я.

Ну и гад же этот «Игрок Б» – так я ничего с этого эксперимента и не получаю.

Обратный отсчет: 52 дня

– Ну пожа-а-алуйста! – упрашиваю я Джессику. Сложив руки на груди и отставив бедро, та с явным скепсисом выслушивает мое предложение сходить на вечеринку, которую устраивает братство.

– Это же неотъемлемая часть студенческой жизни – тебе нужно обязательно хотя бы раз сходить на такую тусовку, прежде чем писать статью для какого-нибудь альтернативного журнала, какая отравка на самом деле эта «греческая жизнь», – пытаюсь убедить ее я. Поджав губы, она кивает, и тут мы обе разражаемся хохотом. Кое-кто с нашего этажа тоже идет – с Билли-из-ларца и его соседом по имени то ли Джед, то ли Тед во главе.

Критическим взором оглядываю разложенные на кровати шмотки. Мне не хочется привлекать слишком много внимания, но, опять-таки, там могут встретиться симпатичные ребята. На дворе август, так что останавливаюсь на джинсовых шортиках – коротеньких, но все же и не на таких, которые могут вызывать косые и нескромные взгляды, и на серебристом топе с довольно глубоким вырезом. Надеваю свою серебряную цепочку с подвеской в виде омара, слегка взъерошиваю волосы. Джессика же из тех девчонок, которые натягивают простенькое черное платье из джерси и уже готовы

и на учебу, и на прогулку, и на веселую тусовку. (Ресницы у нее, как выяснилось, все-таки настоящие.)

Всей компашкой вываливаем из общаги и движемся вдоль по улице. Когда сворачиваем в сторону штаб-квартиры САЭ, чувствую, как волоски у меня на затылке встают дыбом. Мне уже видно мельтешение толп у входа – кто входит, кто выходит, тусовщики заняли весь газон. Из колонки, выставленной на подоконник третьего этажа, оглушительно долбит музыка, во дворе полыхает костер. Даже не знаю, разрешено ли тут вообще разжигать костры. Впрочем, употребление спиртного до разрешенного законом возраста²⁹ тоже не приветствуется, но университетская полиция смотрит на такие дела сквозь пальцы, пока дело не дойдет до полной невменяйки. Точка зрения у них простая: лучше уж мелкие проблемы в кампусе, чем какие-то более серьезные за его пределами.

Искося поглядывая на меня, Джессика укоризненно изгибает бровь, когда мы проталкиваемся в дверь. Двое парней играют в бир-понг³⁰ в «столовой», и все тут, похоже, орут гораздо громче, чем требуется. В гостинной народ ухитряется танцевать в тесном пространстве между кожаным дива-

²⁹ В США разрешено приобретать спиртное только по достижении 21 года.

³⁰ Бир-понг (*англ.* beer pong) – игра, в которой участники по очереди пытаются попасть шариком для пинг-понга внутрь одного из стаканов с пивом, расставленных на столе (чаще всего для этого не требуются ни специальный теннисный стол, ни даже ракетки). Забавно, что пиво выпивает тот, в чей стаканчик попали, а не бросающий, так что конечная цель игры – напоить противника.

ном и кофейным столиком, уставленным пивными банками и одноразовыми стаканчиками, среди которых кое-где торчат курящиеся бонги³¹. На краю столика сидит какой-то малый с сальными патлами, выдувая клубы пара из одного из бонгов и параллельно разглагольствуя о протестах, распространившихся по всей стране и частенько сходящихся в Вашингтоне. «Эта страна проваливается в тартарар-р-ры!»

Билли-из-ларца ведет нас в кухню, где какому-то бедолаге выпала горькая доля всю ночь обслуживать кег с пивом. Тот приветствует нас и вручает мне пузырящийся пеной одноразовый стакан.

– Пойдем посмотримся! – кричу я Джессике прямо в ухо.

– Кого-то конкретно ищешь? – лукаво спрашивает она.

Не знаю уж, кто кого тут должен подкалывать, поскольку едва мы успеваем выйти из кухни, как на нее наталкивается какой-то парень в футболке «Доджерс»³², и они тут же начинают болтать про бейсбол. Оставляю их друг на друга и продолжаю внимательно изучать толпу. Вижу какого-то настолько бухого парня, что он едва стоит на ногах, бессмысленно выпучив глаза. Вижу двух каких-то девчонок, вцепившихся друг другу в волосы. Несколько парочек упоенно сосутся, не

³¹ Бонг – устройство для курения табака, всяких трав, и в первую очередь конопли, – небольшой сосуд, частично заполненный водой, с конусообразным отсеком для тления продукта и высоким узким горлышком для вдыхания охлажденного водой дыма.

³² «Лос-Анджелес доджерс» (*англ.* Los Angeles Dodgers) – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Главной бейсбольной лиге.

обращая ни на кого внимания. Тающие на глазах надежды возрождаются вновь, когда я наконец замечаю Корди, сидящего на кожаном диване в окружении кучки каких-то других ребят и делающего мощный затяг из водяного бонга. Увидев меня, он неистово машет мне.

– Добралась все-таки!

Отпускаю какое-то уклончивое замечание в ответ и смотрю, как он опять присасывается к бонгу. Корди уже почти готов – пьян и обкурен одновременно. Он, должно быть, только что разговаривал с втиснувшейся рядом девчонкой, но та вдруг поднялась и ушла, оставив его в неловком одиночестве. Он подвигается, похлопывая по дивану рядом с собой. Подсаживаюсь к нему, улыбаюсь.

– А твой сосед тоже здесь? – спрашиваю у него.

– Уилл-то? Где-то тут. – Он неопределенно взмахивает рукой, безвольно мотая головой. Но тут, видно, с удивлением сознает, насколько я близко от него – вообще-то странно, если учесть, что из-за тесноты я прижимаюсь к нему чуть ли не всем телом. – А ты симпатиченькая! Тебе это уже кто-нибудь говорил?

– Он ужасный человек?

– Уилл-то? Да, может быть редкостным гондоном.

– Тебе никогда не хотелось навешать ему люлей?

– А то! – отзывается он, опять подхватывая бонг.

Решаю, что мне нравится Корди.

Вдруг слышу смех и оборачиваюсь через плечо. Рядом

стоит группа «братьев» из СЭ – думаю, что постарше остальных, поскольку Дерек и Чарльз тоже в их числе. На Чарльзе великолепно сидящая рубашка на пуговицах, которую я одобряю, на груди значок: «Портмонта – в президенты». На нем буквально висит какая-то девица – именно висит у него на руке, смеясь ему в лицо. О боже. Какой кошмар. Еще одна подобная красотка сразу слева от нее смотрит на него коровьим взглядом. Ему даже нет нужды заигрывать в ответ. Уже собираюсь встать с дивана и что-нибудь на этот счет предпринять, как вдруг из толпы и угарного тумана выныривает какая-то блондинка, и Чарльз, распахивая объятия, подтаскивает ее себе под бок и крепко прижимает. Те девицы тут же упархивают, словно испуганные воробышки, а он целует блондинку в макушку. Совсем не тусовочным поцелуем. Этот поцелуй не говорит: «Я собираюсь тебя напоить и попробовать заняться с тобой сексом наверху, на сыром покрывале с эмблемой НФЛ».

– Кто это? – спрашиваю я, пихая Корди локтем.

– Кристен-то? Подруга Чарльза. Они вместе уже целую вечность.

– Какая может быть вечность в колледже?

Он икает.

– Тем не менее. Знаешь ведь, кто у него папаша? Типа как нефтегазовый король. Спец по фрекингу, рвет водой подземные пласты и все такое. А мать – из медиамагнатов. Не пойму, чё он тут ваще забыл, – произносит Корди, мотая голо-

вой.

И в самом деле – чё он тут забыл?

– Эй, братан! – слышится какой-то новый голос, обладатель которого тянется через меня, чтобы стукнуться кулаками с Корди. – Что это с тобой за красotka?

Поднимаю взгляд и вдруг даже перестаю слышать музыку, расшатавающую весь дом, смех и вопли вокруг, щелканье пинг-понговых шариков о стаканы с пивом. Время словно застывает. Над диваном буквально нависает Уилл Бэчмен, ухмыляясь на нас с высоты своего роста. Чувствую, как меня охватывает ледяное спокойствие.

Улыбаюсь ему, напоминая себе, что улыбка должна быть настоящей, когда достигнет моих глаз.

– Хлоя, – вежливо представляюсь я. Выжидаю, не узнает ли он меня – хотя уже несколько лет прошло. Все, что мне предстоит сделать на протяжении последующих пятидесяти двух дней, зависит от того, узнаёт ли он меня – придется менять все расчеты, если такое все-таки вдруг произойдет. Но ставлю на то, что вряд ли. Я выросла. Изменила имя. Хотя ничего не забыла.

Его физиономия пылает от алкоголя. Теперь, когда передо мной не фотки, более заметно, как его черты изменились с возрастом, но форма его нижней губы та же самая, и у него все те же желтоватые брови. Уилл Бэчмен. Подумываю выхватить автоматический карандаш из сумочки и воткнуть ему прямо в левый глаз.

– Хлоя, – повторяет он, улыбаясь. – Не так часто услышишь это имя...

– Ну да, – соглашаюсь я. – Не особо.

А фамилию Севр услышишь и того реже – именно по этой причине я никогда не указываю свою настоящую фамилию в своих аккаунтах в соцсетях. Мой план срастется куда более гладко, если Уилл так и не просечет, кто я такая.

Он присаживается на подлокотник дивана, и мы быстро проходим через обычные формальности: кому сколько лет, кто откуда родом (естественно, я давно уже заготовила фальшивую биографию, согласно которой я из Коннектикута).

– А ты откуда? – спрашиваю, чисто для виду прикладываюсь к своему стакану с пивом.

– Томз-Ривер, Нью-Джерси; только избавь меня от анекдотов про джерсийцев³³.

Нет уж, Уилл, теперь тебе уже от многого не избавиться! Только не сейчас, когда я тебя наконец нашла!

³³ В США с их мешаниной менталитетов очень распространены анекдоты про жителей различных штатов. Наиболее популярная серия – про оклахомцев, где они изображаются простаками-деревенщинами. А обитатели штата Нью-Джерси обычно предстают в таких анекдотах заносчивыми, прижимистыми и хамоватыми людьми.

Обратный отсчет: 48 дней

Ну все, Фаза Номер Один завершена: мы с Уиллом Бэчменом теперь в приятелях. На той вечеринке меня так и подмывало попытаться выманить его в какое-нибудь тихое местечко, но я приказала себе сосредоточиться на Фазе Номер Два: допросе с пристрастием. Однако теперь, когда он знает меня и доверяет мне, будет, похоже, не так уж сложно заставить его без свидетелей. Он подписался на меня в «Инстаграме», но я не стала подписываться на него в ответ. Не хочу, чтобы обнаружилось слишком много связей между нами, когда он отправится кормить червей.

И Уилл, и Корди активно настаивали на том, что я просто *обязана* отправиться на тусовку великого и ужасного Чарльза на предстоящих выходных. Я уже хорошенько обмозговала все возможные варианты. Сама не знаю, что думаю об осуществлении Фазы Номер Два на тусовке Чарльза. Для начала те края мне совершенно не знакомы, так что я мало на что могу повлиять. И машины у меня нет. С другой же стороны, привлекает уединенность места. Дом – вернее, усадьба – расположен примерно в сорока минутах езды от Форт-Ханта, не так далеко от исторической усадьбы «Маунт-Вернон», принадлежавшей Джорджу Вашингтону. Из того, что удалось нарыть в сведениях о недвижимости, находящихся в открытом

доступе, а также в «Гугл-картах», владения Портмонтов расположены прямо на том берегу реки Потомак, что относится к штату Вирджиния – на противоположном берегу уже штат Мэриленд. Вдобавок я не совсем уверена, что стоит появляться в доме Чарльза, когда он сам открытым текстом меня туда не приглашал. Формально это даже не его вечеринка – его предки мутят там очередное сборище по сбору средств на какие-то благие цели – может, даже для закупки маникюрных наборов для проштрафившихся руководителей высшего звена, томящихся в тюрьме для «белых воротничков», уж не знаю. Явиться туда в качестве неприглашенной и нежеланной гостьи – только привлекать к себе лишнее внимание.

Увеличиваю карту кампуса на своем компьютере. Если не в усадьбе Портмонтов, то где лучше всего провести допрос? Было бы достаточно просто напоить Уилла и прижать его в какой-нибудь пустующей комнате в штаб-квартире САЭ или, может, даже в его собственном доме, но в обоих случаях проблема в том, что это его территория и поблизости могут ошиваться его дружки. Еще один вариант: отправиться с ним в какой-нибудь клубешник, а потом пригласить на кофеек к себе в общагу – только чтобы заманить его в лабиринт учебных корпусов, отыскать где-нибудь пустую аудиторию и спокойно там все обстряпать.

– Соседочка, – слышу из-за спины голос Джессики. Даже не вздрагиваю. – Чем это ты занята?

– Пытаюсь понять, где у нас следующий семинар.

– Не желаешь прогуляться в «Старбакс»?

– Хочешь сказать, что надо надеть лифчик? – интересуясь я. На мне клетчатые пижамные штаны и короткий топик с надписью «Капитан Очевидность» на голое тело.

– Еще чего! – Она тоже в пижаме.

Натягиваю свои мохнатые тапки, а она влезает в пляжные шлепанцы. Мы живем всего в квартале от огромного Центра студенческой деятельности, в цокольном этаже которого расположен «Старбакс» вместе с миллионом всяких прочих заведений и учреждений. По пути туда можно порядком срезать порядочный угол квартала – заскочить в одно из учебных зданий, Альбертсон-холл, и пройти через его первый этаж, чтобы не переть по улице в пижамах. В Альбертсоне размещается музыкальный факультет, и вдоль длинного коридора протянулись маленькие комнатки для репетиций. Здесь довольно прохладно и пахнет бетоном, но мне нравится ходить этим коридором, слушая игру на различных инструментах. Заглядываю в одно из окошек и вижу девушку, играющую на валторне. За другим четверо ребят поют «а капелла». А в третьей комнате – ба, да это же Чарльз, великий и ужасный! Он сидит ко мне в профиль за пианино, его пальцы летают по клавишам. Музыка какая-то мрачноватая – сложные трели, то забирающиеся вверх, то спускающиеся вниз, в достаточно быстром и плотном темпе.

– Что там? – слышу громкий шепот Джессики. Она заглядывает мне через плечо, впиваясь в него подбородком. –

Рахманинов!

– Хорош, точно? – шепчу я в ответ.

Чарльз внезапно обрывает игру – мы обе вздрагиваем, – но, очевидно, он просто сделал какую-то ошибку. Наклоняется вперед и пристальней всматривается в ноты, потом отлистывает их назад. Отдергиваемся от окна, пока нас не за-секли.

– Платочек дать? – спрашивает Джессика. – А то слюнки так и текут.

– Ой, да ладно!.. Он и вправду красавец. Пианисты – самые лучшие из музыкантов. Серьезные вдумчивые люди, не такие раздолбаи, как гитаристы.

Она хихикает. Доходим до ЦСД и становимся в длинную очередь за кофе. Джессика берет себе американо, а я – мокко, поскольку к вечеру мне нужно составить список как минимум десяти мест, пригодных для допроса с пристрастием. А еще дочитать оставшуюся половину романа для предстоящего семинара по литературе.

Направляемся обратно в общагу, но едва открываем дверь в Альбертсон-холл, как нос к носу наталкиваемся на Чарльза и его подружку. У него под мышкой ноты, а у нее кипа плакатов его предвыборной кампании и моток малярного скотча. Господи, она такая обыкновенная, что просто больно видеть их вместе! Да, она симпатичная, но далеко не *настолько* уж симпатичная – как какая-нибудь сериальная актриска третьего плана на заштатном кабельном канале.

– О, приветик! – произносит он. – Ты ведь, гм...

Сразу видать будущего политика: Чарльз делает вид, что мое имя так и крутится у него на языке, когда наверняка это не так.

– Хлоя.

Он протягивает мне руку, и из-под рукава вылезают часы «Жаже Лё Культр». Неплохо!

– Это Кристен, моя подруга, она же менеджер моей предвыборной кампании.

Та улыбается. Глаза у нее небесно-голубые, а помада на губах самого невинного оттенка. Представляю Джессику.

– Вы обе приглашены на мое мероприятие, верно? Правда, к выборам оно не имеет никакого отношения, – произносит он с улыбкой. – Формально вечеринки с предвыборными целями в нашем студенческом сообществе не допускаются. Мои родители организывают сбор средств с благотворительными целями, но мы можем веселиться собственной компанией.

– Я подумаю над этим предложением, – говорю я.

– Обязательно приходите! – пищит Кристен.

– Бесплатный бар, – жизнерадостно произносит Чарльз. – Мои предки не против, чтобы я привел любых друзей, если мы будем прилично одеты и не станем лезть к остальным гостям.

Интересно, что сам он наденет, чтобы быть прилично одетым? Тогу и сияющий золотой нимб?

– Как вам известно, – продолжает он, переходя на формальный тон и складывая ладони домиком, – вскоре предстоят выборы. Надеюсь, мы можем рассчитывать на ваши голоса.

– Какова ваша позиция касательно финансирования студенческих объединений? – холодно спрашивает Джессика.

– По-моему, любое финансирование студенческих объединений должно быть урезано, – отвечает он без запинки. Джессика хмурится. – Эти деньги поступают от постоянно растущей платы за обучение, что отрицательно сказывается на наиболее нуждающихся студентах. Плата за обучение – это моя забота номер один.

Чистая комедия смотреть, как Джессикау раздирают противоречивые чувства. Смеюсь, но Чарльз тоже смеется, хотя типа как над самим собой.

Прощаемся и идем дальше в общагу, выйдя из Альбертсон-холла в теплую сырую ночь.

– Ты поедешь на эту тусовку, если мы найдем, кому сесть на хвост? – осторожно спрашиваю я. Если я сама и поеду, то не хочу там присутствия Джессики. Чем меньше там будет моих знакомых, тем лучше – никто не будет особо присматривать за мной.

Она морщит носик.

– Хло, парни на той тусовке были натуральные «братья». Жлобье и сексисты.

– А?.. Ну да. Но они не все такие – а как же тот джентль-

мен, с которым ты проболтала битых два часа?

– Он там был только ради соседа по комнате, как и я! И если этот великий и ужасный Чарльз – сторонник «правой альтернативы»³⁴, то в нашу комнату ему вход закрыт.

– Я бы на этот счет не переживала.

Понятия не имею, какие у Чарльза на самом деле политические воззрения, и какой бы он ни был классный на мой взгляд, у него уже есть подружка. По крайней мере, на данный момент. Вот разберемся с первоочередными делами, тогда и добавим решение этой проблемы в мой список задач.

³⁴ Правая альтернатива (*англ.* Alt-Right) – не очень четко очерченное ультраправое белонационалистическое движение в США, к которому относят себя даже такие одиозные группировки, как неонацисты и неофашисты. До кучи «альтернативными правыми» с некоторых пор считают и сторонников движения за права мужчин.

9

Первый запрос мониторинга настроения застал Андре в компании Шона, Маркуса и Ди. Третьекурсник Маркус быстро вышел на Андре и его соседа по комнате в первую же неделю учебного года – принес им подарки от Союза черных студентов. Он взял обоих салаг под свое крыло, со всеми их перезнакомил и пригласил на барбекю, которые регулярно устраивал на своем заднем дворе. Маркус был настолько помешан на политике, что Андре частенько смущался в его присутствии – тот постоянно сыпал какими-то незнакомыми Андре именами, которые ему, наверное, полагалось бы знать, и похоже, что всем остальным они были прекрасно известны.

В тот момент они сидели во дворе у Маркуса, потягивая сладкий чай с добавленным в него дешевым ромом. Главной темой разговоров были марши протеста – не только тот большой, что намечался в октябре, но и ожидающийся на ближайших выходных.

– Вам, ребята, обязательно следует пойти, – втолковывал им Маркус, открывая коробку крекеров. Андре украдкой глянул на Ди, сидящую прямо напротив него девушку, которая вращалась в том же дружеском кругу, второкурсницу с острым язычком и глазами, напоминавшими ему оленьи, – не по его голове шапка, но почему бы все равно не

попробовать?

– Если все остальные тоже пойдут, то я с вами, – сказал Андре, который давно уже искал случая ненавязчиво перевести разговор на тему, которая интересовала его больше всего. Ди вскользь упомянула, что сотрудничает в «Ежедневной сове» и что там постоянно ищут фотографов – а конкретнее, им хочется увеличить долю меньшинств³⁵ в штате. Он не совсем представлял, как люди обзаводятся подобными связями – просто приходят и предлагают свои услуги? Платят ли что-нибудь за работу в «Сове» и удобно ли спросить об этом напрямую? Какая-нибудь подработка ему точно не помешала бы.

И вот в этот-то ответственный момент Андре вдруг ощутил вибрацию на запястье. Извинившись, потихоньку улизнул в туалет. Часы спрашивали, чем он в данный момент занимается. «Неформальное общение», – выбрал он ответ. Часы поинтересовались, как он оценивает уровень своих эмоций по семибалльной шкале, предложив целый их список: счастье, беспокойство, гнев, возбуждение... И насколько же «счастлив» он сейчас? Андре крепко задумался.

Как психопат ответил бы на подобный вопрос?

Ну что ж, пожалуй, вряд ли такие люди когда-либо бывают счастливы. Или, может, испытывают радость только в те

³⁵ К «меньшинствам» в США принято формально относить не только представителей ЛГБТ-сообщества, трансгендеров и пр., но и, как ни странно, чернокожих.

моменты, когда получают то, что хотели. Он ответил, что не особо счастлив, и решил, что беспокойства тоже испытывать не должен, в том числе и в реальной жизни, пусть даже и поймал себя на том, что походя совершает очередное мошенничество посредством смарт-часов, а вокруг при наличии классных девчонок полно старшекурсников, на фоне которых сам он выглядит бледно. Насчет гнева ткнул в единичку – мол, такового не испытывает, а потом задумался, как ответить на вопрос относительно возбуждения. Нет, надо сделать вид, что его мало что в жизни возбуждает. Палец немного дрожал, когда Андре нажимал на «подтвердить». Часы отозвались короткой вибрацией, но ничего не взорвалось и не прозвучало никаких тревожных сигналов. Единственно, цифры на экранчике часов напомнили ему, насколько уже поздно.

– Ребята, мне пора двигать, – объявил Андре, выскочив обратно во двор.

– Встречаешься с какой-нибудь офигительной красоткой? – крикнул ему вслед Шон.

– Нет, мне надо было кое-что сделать до десяти вечера, а я совсем забыл.

Ну, не так уж много он и забыл, поскольку очень не хотелось оставлять компанию – прежде всего по той причине, что он не особо представлял, что его ждет на психфаке. Речь шла о его первом участии в эксперименте – обследовании, или как это там у них называется.

Андре направился в ту часть кампуса и не замедлил шаг, когда загудел его телефон. Вызывала мать.

– Что звонил, Пух? – спросила она.

– Ах да, – отозвался он, пытаясь говорить небрежно. – Я хотел узнать, не знакома ли ты с одним здешним профессором. Доктор Леонард Уимен – ничего тебе это имя не говорит? Он преподает психологию, я уже виделся с ним, и выглядит он очень знакомо. Вот и думаю, не бывал ли он когда-нибудь у нас дома, или еще чего...

Это было ничуть не притянута за уши. Его мать работала медсестрой, а отец – фельдшером на «скорой помощи», так что бывавшие у них дома нередко имели прямое отношение к медицине.

– Гм, не думаю. Давай у отца спрошу.

На заднем плане послышался приглушенный разговор, а потом мать ответила, что оба они этого имени ни разу не слышали. Но потом ей захотелось узнать про его лекции, общежитие, про друзей – Андре стало стыдно, но он быстро оборвал ее, поскольку уже входил в здание психологического факультета, вид у которого в свете уличных фонарей был слегка жутковатый. Вся эта ситуация с расспросами матери про колледж порядком выбила его из колеи. Ему всегда казалось, что всего еще один вопрос, и она догадается, что он сделал.

Несколько лет после смерти Киары Андре катился по наклонной. Он прогуливал школу, чтобы смотреть телевизор

или болтаться с друзьями, которых родители категорически не одобряли. Кулачные драки привели к вандализму, который, в свою очередь, плавно перетек к катанию на «одолженных» машинах. И даже вытворяя все это, он сознавал, что это нехорошо, – он был просто слишком *зол*. Зол на Киару, в чем не было ни малейшего смысла. Зол на родителей. Заигрывание с подростковой преступностью привело его в спецшколу, в программу по исправлению поведения, где ему поставили диагноз «кондуктивное расстройство». Этот диагноз ставят детям и подросткам, когда они отличаются устойчивым антиобщественным поведением, зачастую проявляющимся в форме нарушения общественных или юридических норм – нередко это предшественник последующего диагноза «диссоциальное расстройство личности». Когда еще в выпускном классе школы Андре получил бандероль от программы, желающей привлечь его к «Многоподходному исследованию на группе испытуемых с диагнозом «психопатия», то жутко веселился, показав эти бумаги брату. Брат, скручивая огромный косяк, поначалу решил, что у него истерика, потому что, естественно, у Крошки Пуха просто не может быть никакого кондуктивного расстройства и уж полюбому он не психопат. «Давай их напарим!» Так вот все и началось – просто как игра.

Андре принял участие в нескольких телефонных беседах и опросах, на которые ответил при помощи интернета. Было непохоже, что психопата можно выявить

каким-либо объективным способом вроде анализа крови. Так что диагноз поставили на основании этих самых бесед и опросов, а также заключения психотерапевта. И в жопу того мозгоправа, который поставил ему кондуктивное устройство меньше чем через год после смерти сестры! Андре не чувствовал ни малейшего стыда в тот день, когда позволил кто-то из программы, чтобы пообщаться с родителями, и Исайя, напустив на себя протокольный тон, провел всю беседу от имени его отца, навешав им такой лапши, что Андре просто загибался со смеху, уткнувшись лицом в подушку.

Звонки из программы прекратились, и на несколько месяцев Андре обо всем благополучно забыл, пока все не стало действительно *по-настоящему*. Придя в один прекрасный день домой, он обнаружил, что мать уже открыла адресованный ему толстый конверт. Его первой реакцией было разозлиться на нее, но она повернулась к нему с поблескивающими в глазах слезами, и он осознал, что в письме, должно быть, написано про него что-то, что очень ее расстроило. Она молча вручила ему конверт. Его приняли в университет имени Джона Адамса. Полная стипендия, на все четыре года. «Малыш, как тебе это удалось? – воскликнула тогда она. – Райм, скорей иди сюда!» Последние несколько лет его успеваемость в школе заметно упала, но в выпускной год он заметно подтянулся – хотя все же недостаточно, чтобы рассчитывать на нечто большее, чем Университет округа Колум-

бия³⁶. И при их финансовой ситуации ему явно пришлось бы совмещать учебу с какой-нибудь подработкой, чтобы выплачивать кредит на обучение.

В долю секунды к ним присоединился отец, который тоже внимательно изучил письмо. Оба выжидающе уставились на Андре. Ложь пришла на удивление быстро: «Это... это часть их специальной программы, «Память предков» называется, – пробормотал Андре. – Помните тот проект с фамильными древами? Короче, если ты сможешь проследить свой род до любого из рабов Джона Адамса, а потом напишешь на эту тему сочинение и все такое, то можешь выиграть бесплатное обучение и стипендию».

Мать молитвенным жестом поднесла сложенные руки к лицу, глаза ее наполнились слезами.

– О господи, Андре, все это... Мы так переживали насчет колледжа, с этой папиной операцией на позвоночнике и всем прочим – все это... Все это просто дар небес!

Когда она сжала его в объятиях, Андре в ужасе подумал: «Погоди, ма, погоди!» Но, подняв взгляд, увидел, что Райм Дженсен, его несгибаемый отец, тоже не может сдерживать слез. Это все и решило. Он лишь один-единственный раз видел отца плачущим – в день смерти Киары.

Так маленький снежок лжи покатился вниз, превращаясь в огромный снежный ком. Дальнейшее потребовало целого

³⁶ Университет округа Колумбия – государственное учебное заведение, не относящееся к числу особо престижных.

ряда хитроумных махинаций (при перехвате любых писем и звонков, поступающих от программы), терпения и дипломатических усилий (чтобы заручиться поддержкой Исайи), а то и просто обыкновенного везения (оставалось лишь надеяться и молиться, что родители никогда не заморочатся залезть в «Гугл» и не выяснят, что у Джона Адамса на самом деле никаких рабов и не было).

Вот почему первого реального участия в программе Андре ждал с тревогой. Он поднялся на шестой этаж, прислушиваясь к доносящимся откуда-то еле слышным голосам. Прошел по узенькому коридорчику с помигивающими люминесцентными трубками, миновал две комнаты, отведенные для экспериментов, и наконец нашел нужную, в самом конце. Крошечное помещение было по-больничному белым и пустым, как лаборатория из какого-нибудь научно-фантастического фильма. Поставив на пол свою сумку с книгами, он сразу запер дверь. От этого здания по спине у него уже давно ползли мурашки.

Усевшись за компьютер, Андре ответил на несколько вопросов касательно анкетных данных, еще раз подтвердил свое согласие на участие в опытах и обследованиях, а потом начал отвечать на вопросы длинного опросника, или даже целой серии опросников, поскольку некоторые пункты были сгруппированы по темам. Чем дольше он щелкал мышкой, тем больше отпускало сковавшее плечи напряжение. На некоторые разделы можно было отвечать честно – хотя кое-

какие вопросы потребовали несколько больших раздумий. «Мужчины должны защищать женщин». Полагается с этим согласиться или нет?

Но тут откуда-то за пределами его комнаты вдруг донесся какой-то странный звук, разорвавший практически гробовую тишину, – приглушенный, но все равно очень резкий и отрывистый. Сердце чаще забилось в груди. Это был короткий вопль или взвизг, заставивший Андре застыть всем телом и наострить уши, – словно крик животного, угодившего в острые зубы какого-то хищника, вслед за чем послышался глухой стук. Андре показалось, что он разобрал слово «Помогите!» Он осторожно встал, подошел к двери и высунул голову в коридор. Может, кто-то смотрит кино?

Но тут вопль послышался еще раз, вновь сопровождаемый сильным ударом, который явно донесся от одной из дверей дальше по коридору, из одной из отведенных для эксперимента комнаток. Из-под двери ее падала полоска света, которой определенно не было, когда здесь появился Андре. Он услышал горестный всхлип, а потом какое-то царапанье – похоже, кто-то лежал на полу за дверью, пытаясь ее открыть. Может, у кого-то из участников эксперимента припадок или еще что?

– Я здесь! – крикнул Андре, распахивая дверь.

В ярком белом свете люминесцентных трубок на полу извивался и булькал горлом какой-то молодой человек, из шеи которого в неистовом ритме выталкивалась кровь. На полу

накопилась уже порядочная лужа, в которой тот беспомощно скользил; стены были заляпаны алыми кляксами и потеками.

Андре не успел даже что-то связно подумать, кроме «Вот блин!», когда этот парень – студент? – перехватил его взгляд и, открыв рот, потянулся к нему.

– Помогите! – выкрикнул Андре. Метнулся вперед, на ходу стягивая свитер. Почему он так долго не практиковался в оказании первой помощи? Когда это вообще в последний раз было – в четвертом классе?

Парень охнул, поперхнувшись, когда Андре прижал свитер к его шее. Кровь в основном хлестала как раз оттуда, хотя он заметил и еще несколько ножевых ран – две под ключицей, одна прямо в ухе.

– Есть тут кто-нибудь? Помогите! – завопил Андре.

Черт, черт! Он стал лихорадочно нащупывать телефон, одновременно пытаясь зажать раны, пусть даже уже и чувствовал, как кровь просачивается сквозь толстую ткань свитера. Окровавленный большой палец соскользнул с гладкой поверхности телефона, и тот со стуком упал на пол. Андре потянулся за ним и тут краем глаза заметил, что в коридоре за дверью кто-то стоит. Слава богу!

– Помогите – по-моему, он сейчас истечет кровью! – выкрикнул Андре.

И тут одновременно произошли две вещи, и их синхронность почему-то жутко напугала. Андре вдруг осознал, что стоящий в коридоре, не исключено, это и сделал, и в тот же

самый миг этот человек воздел руки над головой, как-то криковато улыбнувшись и словно говоря: «Ну, удачи тебе!», после чего развернулся и стал уходить по коридору, явно не спеша.

Застыв от ужаса, Андре кое-как нащупал телефон и ухитрился набрать «911».

– «Девять-один-один», что произошло?

– Я на факультете психологии в Адамсе! Здесь только что зарезали какого-то парня!

– Зарезали, говорите?

– Да, он истекает кровью. Скажите мне, что делать?

– Можете назвать свое точное местоположение?

– Шестой этаж... Гм, как подниметесь, сразу направо.

Мне держать его голову на весу?

– Пострадавший может говорить? – спросил оператор.

– Эй, парень! – произнес Андре, слегка его встряхивая. –

Видишь меня? Они уже едут.

Потом беспомощно оглянулся на дверь, гадая, успеет ли «скорая». Глаза раненого уже начинали стекленеть.

– Вы видели, как все это произошло?

– Нет, только слышал! Услышал, как кто-то зовет на помощь, а потом какой-то глухой стук.

– Можете назвать свое имя?

– Андре. Что мне делать?!

– Андре, вы молодец – просто оставайтесь там. Помощь уже в пути.

– Держи, – произнес один из копов, ставя перед Андре банку колы. – Попей, сразу полегчает.

Когда Андре потянулся к ней, рука ощутимо дрожала. Он уже сказал, что его вот-вот стошнит, так что они принесли ему мусорное ведро. Андре сидел на офисном стуле, один из копов по-приятельски присел рядом с ним на корточки, другой стоял, приготовив блокнот.

– Я детектив Бентли, – представился тот, участливый. – А это детектив Дивер. Нам нужно просто снять с тебя показания, чтобы разобраться, что там произошло.

Андре опасливо пригубил, но едва только приторная жидкость потекла к горлу, как сразу вспомнились жуткие булькающие звуки, которые стал издавать тот парень сразу перед появлением медиков со «скорой».

В полном тумане, словно зомби, Андре согласился поехать вместе с полицейскими, чтобы дать показания. Заодно эксперты-криминалисты взяли с него образцы крови, которой были густо вымазаны его ладони и руки по локоть. Забрали его туфли и рубашку и выдали взамен линялую футболку с эмблемой Столичного департамента полиции.

Теперь Андре сидел в одном из кабинетов отдела по расследованию убийств. Едва увидев на двери слово «убийств», он сразу понял, чем все закончилось. Тот неизвестный все-

таки умер, и только тут до Андре наконец окончательно дошло, что он в полиции – черный парень, да еще и диагностированный психопат, который, так уж случайно вышло, оказался прямо на месте жестокой резни. Ну, или который на самом-то деле лишь изображает из себя психопата – что вряд ли как-то улучшало ситуацию. «О господи, во что же я вляпался?» – промелькнуло в голове, и на миг отчаянно захотелось позвонить родителям. Но что он вообще им может сказать?

– Это нам и вправду очень поможет, если ты расскажешь нам все, что видел и слышал – от начала и до конца.

– Я был на шестом этаже, на факультете психологии...

– И ты там?... – Дивер не договорил.

Интересно, подумал Андре, не та ли это ситуация, в которой нужно попросить присутствия адвоката. Но если он потребует адвоката, то не будет ли это выглядеть подозрительно?

– Выполнял одно задание по учебе.

Андре прикинул, до какой степени он готов врать. Может, и плевать им на эту дурацкую программу. Может, их интересует только убийство. Может, им нужна только информация о происшествии, после чего они оставят его в покое. Глаза у Бентли вроде добрые – а вот у Дивера нет.

– Я могу более-менее точно назвать время, когда услышал первый крик. Я это знаю, потому что за пару минут до этого посмотрел на свой телефон – это было ровно в двадцать один

сорок восемь.

Бентли кивнул. Он был белый, с волосатыми мускулистыми руками.

– Крик послышался из той комнаты. Тот парень крикнул еще несколько раз, и я подумал, что он хочет выйти из комнаты, но не может повернуть ручку.

– Он не мог открыть дверь?

– По-моему, – во рту у Андре вдруг пересохло, – по-моему, у него было слишком много крови на руках, и они все время соскальзывали. Но тогда я подумал, что, может, у кого-то сердечный приступ или еще чего, так что открыл дверь и увидел, что он весь в крови. Я попытался прижать ему к шее сложенный свитер, чтобы остановить кровотечение.

– В каком состоянии была комната?

– В нормальном. Типа как стол, стул и компьютер, и еще белая доска. Вообще-то, погодите... еще окно.

– Прямо в тот момент, когда ты туда вошел, оно было открыто или закрыто? Ты к нему прикасался?

– Нет. – Андре попытался представить себе увиденную тогда картину. – Оно не могло быть открыто полностью, поскольку я видел в нем свое отражение. Хотя могло быть и просто прикрыто, не знаю. Там повсюду была кровь.

– Потерпевший что-нибудь говорил?

Андре помотал головой.

– Нет, я слышал только его крики, в самом начале.

– Когда ты говоришь, что слышал крики... Он просто из-

давал какие-то звуки или было похоже, что он кричит на кого-то?

Андре задумчиво поджал губы.

– Я уверен, что это были просто бессвязные звуки. Типа как от боли. Хотя прямо перед тем как я позвонил в «девятнадцать-один-один», там был еще какой-то парень.

– Еще какой-то парень?

– Ну да, я увидел его и вроде как испытал облегчение, что кто-то поможет мне, потому что на самом деле я не умею оказывать первую помощь. Я сказал ему что-то типа того – помоги вызвать «скорую» или что-то такое, а он...

– А он...

– А он поднял руки, вот так. – Поднявшись, Андре попробовал развести руками с одновременным пожатием плеч – больше никак было не выразить, насколько дико это выглядело. Копы переглянулись и нахмурились.

Он испытал некоторое облегчение, когда по выражению их лиц стало ясно, что они тоже считают такое поведение неизвестного более чем странным.

– Можешь описать его? – спросил Бентли.

Андре опять опустил на стул.

– Белый. Где-то от моего возраста до... тридцати пяти?

– Во что он был одет?

Андре пожевал нижнюю губу. Покачал головой.

– Можешь описать его лицо?

– Гм... Ну, типа... Обыкновенное.

– Какие-то особые приметы? Волосы, глаза?

– Он был определенно не рыжий. Брюнет или шатен, не знаю – может, даже темный блондин.

– Какого он был роста?

Чем больше Андре пытался припомнить хоть что-то про человека, которого видел, тем менее четко видел его перед своим мысленным взором.

– Я был на полу, так что... – Андре слез со стула и уселся на пол, после чего поднял взгляд на Дивера, у которого явно начинал вызывать раздражение тот факт, что Андре оказался далеко не образцовым свидетелем. – Наверное, примерно вашего роста.

– Какие-то татуировки, пирсинг?

Андре шумно выдохнул.

– Не могу припомнить, но это не означает, что их у него не было. Я и видел-то его какую-то долю секунды.

– Ты говоришь, что он был белый, – вступил в разговор Бентли. – Белый как я или как Дивер?

Андре перевел взгляд с одного на другого. Бентли был ближе к тому, что белые люди называют «смуглый» или «чернявый»; Дивер выглядел так, будто обгорел на солнце.

– Гм... Может, нечто среднее?

А что, если дать им какое-нибудь описание? Любое описание, с подробностями – неважно, соответствующее действительности или нет? Чисто чтоб отвлечь их? Отвяжутся они тогда от него? Волной накатила дурнота.

– Простите. Если б у вас была фотография, я сказал бы, он это или не он.

– А какое ты испытал чувство при виде его? – спросил Бентли. – Что от него, так сказать, исходило? Непохоже, что он был взбешен или еще чего?

Андре заморгал. Он понял, о чем спрашивает Бентли, но все не решался высказать вслух то, что было у него на уме.

– Если б он просто посмотрел на меня и ушел, я бы, наверное, только удивился и разозлился. Но когда он так вот поднял руки и типа как пожал плечами... Меня словно мороз по коже продрал.

* * *

Когда Андре наконец вернулся в свою комнату в общежитии, вымотанный до предела, на сердце стало еще тяжелей, когда он понял, что Шона нет дома. По дороге домой Андре совершенно не представлял, в какой форме поведать соседу о недавних событиях, но теперь проблема была не в этом. Он остался совершенно один в пустой комнате, и вдруг жутко захотелось поджать хвост и поскорей вернуться в северо-восточный район, к родителям. Что за чертовщина только что приключилась? И чего ждать дальше? Полиция будет опять его допрашивать? Начнут ли они копаться в его прошлом только лишь потому, что ему волей случая выпало оказаться там? Может, просто свалить на фиг из этого Адамса, поехать

домой и не отвечать на звонки по телефону?

Потерев виски, Андре открыл свой лэптоп. Голова кружилась от эмоций, мысли путались, но то, что никак не шло из головы, это что все произошло в комнате для экспериментов Уимена, в каких-то десяти ярдах от его кабинета. Не слишком ли большое это совпадение, что того парня зарезали прямо возле офиса руководителя специальной программы, изучающей психопатов? И почему, черт возьми, этот Уимен кажется таким знакомым?

Андре стал проглядывать результаты поиска по ключевым словам «Леонард Уимен», каким-то уголком мозга смутно сознавая, что он занимается всем этим только лишь ради того, чтобы отвлечься от образов, постоянно всплывающих у него в голове – человека, беспомощно скользящего на окровавленном полу, булькающих звуков у него в горле, – и почти непреодолимого желания позвонить родителям. Большинство результатов представляли собой написанные Уименом статьи с длинными сложными названиями. Другие – тексты его выступлений на всяких научных конференциях. В одной из ссылок упоминалась Елена, которая выиграла стипендию для написания кандидатской под руководством Уимена.

Но тут Андре увидел два слова, которые заставили его неподвижно застыть. «Медицинский детектив»³⁷. Так вот

³⁷ «Медицинский детектив» (англ. Forensic Files) – американский документальный телесериал, выходящий с 1996 г. Каждая серия – это одно преступление

почему Уимен сразу показался ему таким знакомым!

В течение двух лет после смерти Киары Андре частенько уходил с уроков, в основном болтаясь по городу с друзьями, но иногда просто возвращался домой и сидел там совсем один. Валялся на диване, хрустя попкорном «Чизи Пуфс» и пересматривая старые эпизоды «Медицинского детектива» и «48 часов»³⁸. Перед ним открылась темная нора реальных преступлений, и Андре с готовностью свалился в нее – мрачность материала полностью соответствовала его похоронному настроению. Он смотрел старые документальные фильмы, подписался чуть ли не на все подкасты на эту тему и даже зарегистрировался на нескольких интернет-форумах самодельных расследователей.

Особенно захватили его два уголовных дела – прежде всего по той причине, что оба были местными: Вашингтонского снайпера³⁹ и Убийцы НДР. Первый на самом деле пред-

(убийство, ограбление, изнасилование и т. д.), расследованием которого занимаются эксперты-криминалисты, применяя последние достижения науки в этой области. В конце каждой серии приводится подробная реконструкция преступления и называется мера наказания, которая была применена к преступнику.

³⁸ «48 часов» – еще один документальный сериал, посвященный реальным преступлениям, выходящий в различных форматах с 1986 г.

³⁹ Вашингтонский снайпер – прозвище Джона Аллена Мухаммада (1960–2009), американского серийного убийцы, который в 2002 г. вместе со своим младшим партнером Ли Бойдом Мальво убил десять и тяжело ранил трех человек из снайперской винтовки в окрестностях Вашингтона. А вот серийный убийца по прозвищу НДР (CRD) – вымысел автора, основанный на деятельности реального убийцы-маньяка Денниса Рейдера, известного как СПУ («связать, пытаться, убить»).

ставлял собой двух человек, которые, мотаясь по округе, без всякой системы и мотива расстреливали первых попавшихся людей, в стиле Зодиака. Но их кровавый загул меркнет по сравнению с деяниями Грегори Рипли, которого пресса окрестила «НДР», или Убийца из Рок-Крика. С середины девяностых до начала двухтысячных по северо-востоку страны – в основном Вирджинии, Мэриленду и округу Колумбия – прокатилась впечатляющая волна жестоких убийств. Повторяющимся «модус операнди»⁴⁰ и объясняется аббревиатура НДР, ставшая одним из прозвищ убийцы: «насилловать, душить, расчленять». Когда его наконец поймали, он признался в двадцати двух убийствах и на основании веских материальных улик был приговорен к смертной казни по девяти из инкриминируемых ему эпизодов.

Пощелкав мышью, Андре наконец нашел какой-то халтурно сделанный веб-сайт, позволивший ему пересмотреть тот старый эпизод «Медицинского детектива» про Убийцу НДР, который он уже когда-то видел. Всю эту фигню про охоту за Рипли Андре промотал и сразу перешел к его аресту. Закадровый голос сообщил, что единственным человеком, сумевшим понять НДР, был некий психолог – единственный представитель этой профессии, который активно опрашивал убийцу и позже дал показания на суде. Этим психологом и оказался доктор Леонард Уимен. Потом появилось

⁴⁰ Модус операнди (*лат.* modus operandi, МО) – характерный образ действий преступника, «преступный почерк».

и зернистое видео с ним, сидящим за письменным столом, – с тех пор он здорово постарел, но голос остался тем же самым. Как выяснилось, Андре успел забыть один очень любопытный аспект этого дела. После того как присяжные вынесли свой вердикт, Уимен едва сумел вырваться из зала суда под крики репортеров – он выступал за помилование, в то время как вся страна единодушно требовала смерти Грега Рипли. Того самого Грега Рипли, который улыбался присяжным во время суда и рисовал в своем блокноте всякие рожицы, выслушивая самые чернушные свидетельские показания. «Я не думаю, что Грегори Рипли заслуживает смерти, – объявил Уимен прямо в камеру, отчего волосы на руках у Андре встали дыбом – волосы самого Уимена в те времена почти не были седыми. – Он вовсе не такое чудовище, каким вы его считаете».

И вот теперь Андре больше всего хотелось знать: в чем же все-таки суть этой долбаной программы для *психопатов* в университете Джона Адамса, в которую он вписался? Ею руководит человек, который некогда встал на защиту Убийцы НДР. И если Уимен мог защищать НДР, то что еще он готов защищать?

Обратный отсчет: 45 дней

Я в машине, еду в усадьбу Чарльза Портмонта. Брат Билли-из-ларца за рулем, сам Билли сидит справа от него. Я втиснута между двумя какими-то девицами из женского студенческого братства⁴¹ «Каппа-Дельта», одна из которых, как я подозреваю, трахается с братом Билли. Еще один парень, недавно вступивший в САЭ, очень этим гордый и которого они называют Вонючка, прижался к противоположному стеклу – ему даже не досталось ремня безопасности.

Мы с Вонючкой единственные, кто еще ни разу не бывал на тусовках Чарльза.

– Бар там ну про-о-осто обалденный! – тянет одна из девиц. – Типа я прошу бармена сделать мне «Манхэттен», и он реально знает, что это такое. Гадость, конечно, но я все равно выпила до дна.

Свои вещи мы побросали в багажник – одежда парней запихнута в два пластиковых пакета из «Сейфуэй». Со мной сумка с самым необходимым: коктейльным платьем, туалетными принадлежностями и двумя пузырьками с жидким раствором рогипнола.

⁴¹ Женские студенческие объединения такого рода в США нередко тоже именуют «братствами» (fraternities, frats), хотя термин «сестринство» (sorority) тоже в ходу.

– Эх, найти бы какого-нибудь богатого папика, чтобы оплатил мой кредит на обучение! – мечтает «Каппа-2».

– Ну да, если тебе нравятся двойные подбородки, – отзывается «Каппа-1».

Поездка приятная. Почти всю дорогу едем по одному и тому же шоссе, с обеих сторон которого возвышаются густые деревья; листва на них уже начинает тускнеть. Сворачиваем на боковую дорожку поменьше, а потом на совсем узенькую улочку со знаком «Частные владения» на въезде. Лес редет и сменяется просторной зеленой лужайкой, по которой мы катим к огромной усадьбе в тюдоровском стиле. Вижу, как впереди Чарльз и Кристен уже выбираются из его «Ягуара».

Тоже кучей вываливаемся из машины.

– Мы, похоже, первые, – объявляет Чарльз. – Но вторую экскурсию для отставших проводить не буду, ибо наверняка уже буду раскладной.

Ожидается компания человек в тридцать, но остальные застряли где-то в пробках.

Проходим вслед за Чарльзом к дому, и как только перед нами распахиваются здоровенные двойные двери, вижу активные приготовления к предстоящему основному действию. Люди в униформе официантов носятся туда-сюда, расставляя стулья, и какая-то женщина, опасно балансируя на высокоценной стремянке, протирает массивную люстру. В глубине наверх загибается широкий лестничный пролет.

– Чарли! – вдруг слышится чей-то голос. В вестибюле по-

является женщина средних лет – судя по всему, его мать – и распахивает объятия. У нее такой ухоженный вид, который бывает только у богатеек, которым особо не приходится заботиться о чем-то помимо собственной внешности. – Чарли-медвежонок, дай-ка я на тебя посмотрю!

Потом она обнимает Кристен. Похоже, что обращение «медвежонок» Чарльза ничуть не смущает.

Он представляет нас как своих друзей и проводит для нас небольшую экскурсию по дому. Мысленно отмечаю расположение комнат: библиотека, столовая, банкетный зал, кабинет его отца со звериными головами на стенах, кухня – такая здоровенная, что мне сразу хочется научиться готовить хотя бы что-нибудь простенькое вроде шарлотки. Огромные окна кухни выходят на зады дома. Здесь просторное патио, крытый плавательный бассейн, еще один дворик, а дальше – причал, ведущий прямо к реке. Прикидываю, какие из этих мест могут пригодиться для допроса с пристрастием.

После основательных поисков в интернете я знаю про «сыворотку правды» почти все. К сожалению, настоящей «сыворотки правды» в природе не существует. Но все равно требуется какое-то средство, которое заставит Уилла распутать язык, усыпит его бдительность – но так, чтобы на следующий день он напрочь про все забыл. Алкоголь по многим параметрам подходит, но полностью полагаться на него нельзя. Хотя алкоголь мне определенно потребуется, поскольку это прекрасный ответ на вопрос: «А чё вчера вообще бы-

ло?» – напившиеся в стельку частенько не помнят, что творилось накануне. Рогипнол в США под запретом, но предприимчивые люди все равно могут добыть его в интернете. Еще в школе я успела порядком поэкспериментировать с раствором рогипнола высокой концентрации – выбирала ребят примерно тех же габаритов, что и Уилл, прижимала их к стеночке на всяких домашних тусовках и пикниках, заманивала в лес. Естественно, они ожидали, что я им дам, но в действительности я заводила с ними всякие чудные разговоры, выуживая у них личную информацию и скармливая им всякие странные истории, на которых на следующий день могла проверить, что из сказанного им запомнилось.

– У меня тут еще кое-какие дела – встретимся здесь же ровно через час. Мы можем есть и пить, сколько захотим, но просто не лезьте к гостям, – предупредил Чарльз.

– А на что тут вообще собирают? – поинтересовался Билл.

– На заповедник.

– А разве твой отец не занимается фрекингом? – не удерживаюсь от вопроса.

– Он еще и охотник, – отзывается Чарльз. Это тоже не имеет для меня ни малейшего смысла, но я отстаю.

Поднимаемся наверх разобрать вещи и переодеться – Чарльз сказал, что мы можем занимать любые комнаты с открытыми дверями. Хотя дом реально огромный, тридцати спален в нем не наберется, так что сильно подозреваю, что кое-кто предвкушает возможность сегодня на законном ос-

новании забраться в чужую постель. Все это будет наверняка происходить уже под ночь, и важно заранее все подготовить: нужно к тому моменту уже укрыться в каком-нибудь укромном местечке с Уиллом, надежно сидящим у меня на крючке – пьяным, но не слишком. (Не хватало еще, чтобы он блевал без удержу – допрашивать его при этом будет сложно.)

Мы с девицами из «Каппы» занимаем спальню, окна которой выходят на задний двор. Пока они пытаются отпарить свои платяшки в примыкающей ванной комнате, осматриваю местность за окном. На реке скоро совсем стемнеет. К ней ведет длинный участок территории с двумя небольшими гостевыми домиками, отстоящими друг от друга.

Расположенные не слишком далеко от главного здания, но довольно уединенные, эти домики – просто идеальный вариант. Не стоит полностью полагаться на то, что Уилл будет послушным, как овечка, – дело может дойти до рукопашной. Я успела немало позаниматься на разнообразных курсах самообороны, но дело все равно рискованное. Это только в телевизоре хорошие парни всегда побеждают – в реальной жизни, если противник превосходит тебя по весу, то просто тебя им задавит. Главное – не терять головы, тогда победа будет за мной.

– А ты что, не будешь переодеваться? – интересуется «Каппа-2», глядя на меня, – у нее уже и губы в полном порядке, с темной обводкой поверх помады.

Влезаю в свое платье – коротенькое обтягивающее кок-

тейльное платье от Сю Вонг – розовенькое, что называется «цвета детской неожиданности», с легкомысленной бахромой в стиле ар деко по подолу и отделкой черным кружевом и черными же страусовыми перьями. Никаких украшений у меня нет, не считая черного тканевого браслета-повязки с бантиком, который я взяла с собой, чтобы замаскировать свои смарт-часы, явно не подходящие к наряду по стилю. Обе «Каппы» довольно долго возятся со своими волосами, я же оставляю свои спадать свободными волнами.

Стою в коридоре возле двери спальни, влезая в туфли на высоком каблуке, когда из комнаты дальше по коридору выходят несколько больших шишек. Среди них Чарльз в плотно облегающем темно-сером костюме, из нагрудного кармашка торчит треугольничек аккуратно сложенного платочка. Рядом с ним Кристен в изумрудного цвета платье, выгодно подчеркивающим цвет его глаз.

– Неплохо выглядишь! – бросает он мне в точности таким обыденным тоном, с которым обращаются к младшей сестре.

Не хочу, чтобы он считал, что я выгляжу «неплохо». Иногда мне хочется стать совершенно невидимой – как правило, с чисто практическими целями, – но только не сейчас. Нет, серьезно: Кристен в этом простецком блестящем зеленом платьишке? Буэ!

После того как мы тут появились, стали прибывать и другие гости. Спускаюсь вслед за Чарльзом и Кристен по загибающейся дугой лестнице. По пути он пожимает руки каким-то

людям в возрасте – очевидно, знакомым своих родителей.

На первом этаже дома теперь не протолкнуться от пожилой публики в коктейльных нарядах. Повсюду шныряют официанты с подносами шампанского и легкими закусками. В кухне Чарльз хватает одной рукой поднос с канапе, а другой цепляет сразу три бутылки шампанского. Устраиваемся во дворе отдельно от остальных гостей и пьем шампанское прямо из горлышка, пока один из официантов не приносит несколько фужеров. Держу свой почти полным, но лишь придуриваюсь, будто пью, делая вид, что на глазах дурею.

К тому времени, как показываются остальные из нашей компании, уже почти совсем темно; дворик подсвечен лишь гирляндами маленьких лампочек. А вот и Корди с Уиллом на буксире. Бутылки шампанского продолжают появляться как по волшебству, но иногда официант приносит заказанные кем-то коктейли. Стараюсь вести себя, как пьяная дурочка, безудержно хохочу над каждой дурацкой шуточкой. Цепко приглядываю за Уиллом, стараясь держать его в поле зрения, слежу, сколько он уже выпил, сама распустив свою якобы пьяную удаль, как павлин распускает хвост. Чувствую, что он тоже посматривает на меня.

Заглатываю крошечный птифур и тут же ору: «Офигительно!», когда кто-то предлагает прогуляться по причалу к реке. Девчонки осторожно ковыляют по траве, проваливаясь в землю высокими каблуками. На причале темно, вода кажется совершенно черной. Подсветка тут тоже есть, но ни-

кто не озаботился ее включить. Наклоняюсь через край причала над водой как можно дальше и смотрю влево. Усадьба расположена достаточно уединенно, никаких соседних домов на берегу не видать.

– А Дерек явно на тебя запал, – замечает одна из девчонок, обращаясь к своей подруге.

– А что, если я хочу, чтобы что-нибудь такое произошло? Оборачиваюсь на дом. Мы сейчас настолько же далеко от него, как от того гостевого домика, что к северу, и с моего места мне не слышны голоса остальных из нашей компашки, хотя я знаю, что там сейчас дым коромыслом.

Как только возвращаемся в патио, Чарльз вытаскивает пакетик кокаина. Угощаются не все – замечаю, что Кристен отказывается, не сводя укоризненных глаз со своего ненаглядного парня (уж поверьте, я сразу взяла этот момент на заметку!), хотя он зарядил всего одну «дорожку». Делаю вид, что тоже нюхаю, украдкой размазав полоску порошка пальцем в тот самый момент, когда делаю вдох. Двое каких-то «братьев» из САЭ отошли на лужайку, босиком, о чем-то шумно спорят, потом вдруг начинают молотить друг друга. Несколько девчонок извиваются в танце. Чарльз, держа за горлышко бутылку шампанского, громко хохочет, а Кристен кричит:

– Не-е-ет, я не это имела в виду!

Народ уже здорово бухой. Одна из девиц ковыляет к кустам тошнить, другая кидается к ней, чтобы придержать ей волосы. Меня просто изумляет способность «братьев» по-

треблять алкоголь. Девчонки уже давно не следят за громкостью своих речей. Несколько пар исчезают в доме – судя по всему, чтобы по-быстрому где-нибудь перепихнуться. Благотворительное мероприятие, какие бы цели оно перед собой ни ставило, уже свернули; остался лишь персонал, прибирающий за гостями.

По-моему, только я одна и сохраняю ясную голову. Вьюсь возле Уилла уже более откровенно. Постоянно трогаю его за руку, дико хохочу, если сказанное им хотя бы отдаленно напоминает шутку. Он подкальывает меня насчет моего имени, утверждая, что такие имена дают своим детям только хиппи, и я делаю вид, будто дуюсь. Мы сидим на самом конце одного из длинных садовых столов, таскаем с блюда канапе и орешки, болтаем про лакросс. Господи, неужели он и вправду думает, что мне так уж интересна эта тема? Но я подаюсь вперед, впитывая каждое его слово, и в какой-то момент кладу руку прямо ему на коленку.

Наша компания редет на глазах: кто-то уходит сам, кого-то уводят под белые руки – либо чтобы трахнуть, либо отпить холодной водичкой. Остается лишь горстка самых стойких. Мне надо пересидеть и их, а также убедиться, что внедряемая мною перспектива отыметь меня крепко запала Уиллу в башку. Чарльз ослабляет свой галстук, и они с Кристен начинают сосаться столь самозабвенно, что мне видны их переплетенные языки. Она ерошит его волосы, и вскоре они тоже наверняка скроются в доме, чтобы заняться сексом.

Идеальный Чарльз и его идеальная подружка – пожалуйста, поскорей валите отсюда и дайте мне перейти к делу!

Тут уходит и Дерек с кем-то из «братьев», прихватив с собой двух каких-то девчонок, и мы остаемся всего вчетвером.

– А не пора ли нам пора? – лепечет Чарльз, увлекая за собой Кристен и пощипывая ее за попу.

Мы с Уиллом остаемся в патио вдвоем. Я медленно встаю.

– Пожалуй, нам тоже пора двигать, – говорю с деланой неохотой. Уилл тоже поднимается, ощутимо пошатываясь на неверных ногах.

– Так стыдно оставлять здесь такой свинарник... – добавляю я, широким взмахом обводя раскиданные вокруг пустые тарелки и фужеры. Начинаю собирать их на поднос.

– Ну да... – тянет Уилл, пытаясь неуклюже помогать мне. Чарльз и Кристен, слава те господи, наконец свалили. Никого из персонала в кухне не видно. Смотрю Уиллу прямо в глаза.

– Не хочешь посмотреть со мной один из этих гостевых домиков? – спрашиваю я.

– А то!

Предварительно сливаю остатки недопитых коктейлей в две большие чашки – в каждой примерно до половины натурального «ерша». Осторожно несу их, прижимая к груди, пока мы тащимся по траве в сторону домиков. Я босиком – заранее сбросила туфли на каблуке, чтобы ничего стесняло, если вдруг придется бежать или отбиваться ногами. Моя

сумочка уютно прижимается к моему боку, пузырьки с рогипнолом и пружинный нож надежно укрыты внутри. Уилл крупнее меня, но я ловчей и лучше соображаю. Я полностью готова.

Веду Уилла к тому домику, который ближе к воде и дальше от главного здания усадьбы. Он заглядывает в окно. Восклицает:

– Конфетка, а не домик!

Чарльз сказал, что домики специально для нас будут открыты – мол, пользуйтесь, кому надо. Включаю свет, но тут же уменьшаю яркость диммером почти до предела. Здесь есть небольшая кухонька, представляющая собой часть гостиной, которая, в свою очередь, частично отгорожена от спальни стеной с открытым, без двери, проемом. Прямо справа от висящего там телевизора камин.

– Устраивайся, – говорю я, махнув на мохнатый коврик из овчины, лежащий на полу между камином и кожаным диваном. – Сейчас сооружу нам что-нибудь выпить.

Направляясь в кухню, слышу, как он тяжело плюхается на коврик. Ставлю чашки на стойку, после чего осторожно опорожняю в них содержимое одного из пузырьков.

– Вот, махни! – произношу я, всовывая посудину ему в руку. Уилл уже развалился на ковре.

Стою над ним, глядя, как он опрокидывает содержимое чашки себе в рот, но не могу сдержать возбужденного трепета. Все идет по плану. Наркотик скоро подействует. Уилл

полностью у меня в руках. Он с дурацким видом улыбается мне непослушными губами.

– М-может, тоже присядешь?

– Погоди, сначала мне надо попудрить носик.

Оставляю его там, направляясь в туалет с ванной, примыкающий к спальне. На самом деле в туалет мне пока не надо, но я приглаживаю волосы, стряхиваю со щеки прилипшую ресничку и поддергиваю платье повыше. Заглядываю под бант на руке – посмотреть на смарт-часы. Чтобы подействовал рогипнол, потребуется пара минут.

Присаживаюсь рядом с Уиллом и изучающе смотрю на него. Глаза у него уже стеклянные, физиономия так и пылает, нижняя губа блестит от слюны. Он сидит слишком близко ко мне. На кофейном столике какой-то иллюстрированный альбом про всякие пещеры и разломы, а прямо на нем то ли чашка, то ли пепельница из распиленной пополам агатовой жеоды⁴². Подхватываю ее, разглядывая слои ярко-голубых кристаллов, зародившихся где-то в самой толще земли.

– Где твой телефон? – спрашиваю я. – Может, сделаем селфи?

Он кривится.

– Нету телефона. Уронил, пришлось отдать в ремонт. – Кладет мне руку на колено, крепко сжимает. – А ты классная,

⁴² Жеода – геологическое образование, замкнутая полость в осадочных или некоторых вулканических породах, частично или почти целиком заполненная кристаллами различных минералов. Распиленная пополам, напоминает чашу.

тебе это когда-нибудь говорили?

Медленно моргает.

Кладу свою руку поверх его лапы. Замечаю, что подсунутое мной пойло он не допил. Приложился основательно, но все равно кое-что осталось. Уилл тянется ко мне губами для поцелуя, открыв рот. Легонько отталкиваю его двумя пальцами в лоб.

– Не так быстро! – Этот толчок, пусть даже всего двумя пальцами, производит магический эффект. Если б он захотел, если б был трезв, то даже и не пошелохнулся бы. – Давай для начала поболтаем.

– Поболтаем?

Он ухитряется натурально прошепелявить это слово, хотя в нем нет ни одной буквы «с». Отшатывается назад, упершись в пол локтями и едва не пролив намешанную мною бурду, которую я успеваю спасти.

– Просто хочу задать тебе несколько вопросов, – говорю я, соблазнительно поводя чашкой у него перед носом.

– Ты что, не помнишь меня? – вдруг спрашивает он.

Застываю.

– Что-что?

Уилл опять садится ровно, выпрямив спину.

– Ты ведь... Мы когда-то были знакомы. Так ты что... не узнаешь меня?

– Откуда я должна тебя знать?

– По Нью-Джерси, – с некоторой настойчивостью произ-

носит Уилл – или, по крайней мере, с такой настойчивостью, какую можно выдавить из себя под действием рогипнола и алкоголя.

Я ошибалась? Уж не узнал ли он меня в ту же секунду, как увидел меня тогда в штаб-квартире САЭ? Я постоянно твердила себе, что слишком сильно изменилась, что пубертатный период заметно на мне сказался, что изменить имя на Хлою будет вполне достаточно, чтобы одурачить такого тупицу, как Уилл. И вот теперь он смотрит на меня выпученными глазами – зрачки настолько расширены, что едва не перекрывают радужку. Выражение у него на лице почти беззащитное.

– Ты ведь помнишь... то, что случилось в ту ночь.

По-прежнему не могу пошевелиться, отчего накатывает злость. Он застал меня врасплох, мы почти поменялись ролями, и мне нужно сохранить контроль за ситуацией.

– Уилл, у тебя до сих пор то видео?

– В ту ночь ситуация вышла из-под контроля... вышла из-под контроля, а не должна была.

– Где это видео? У кого еще оно есть?

– Но я же тебе нравился – я знаю, что нравился...

– Ты мне и вправду нравился.

– Я тебе нравился, – повторяет он, на сей раз громче. Из рта у него начинает течь слюна.

– Да, нравился. Я была готова писать твое имя на заборах, потому что мне было двенадцать, а ты изнасиловал меня.

– Э-э, погоди... – очень медленно произносит Уилл, подаваясь ко мне. – Я тебе *нравился!*

Моргаю, крепко вцепившись пальцами в острые кристаллы жеоды, которую до сих пор держу в руке, – одна сторона этой каменной чаши отполирована и идеально гладкая, все остальное грубое и шершавое. Сердце бьется ровно. Изучаю его лицо: бледные белесые брови, начинающую пробиваться щетину на щеках.

– Ты трахнул меня, а Бретт Миллер заснял это на твой телефон, и мне было всего двенадцать! Где этот телефон? Где видео?

Фаза Номер Три – это получить запись. Мне нужно во что бы то ни стало добраться до нее.

Уилл таращится на меня, и я не могу понять по его лицу – то ли он в шоке, то ли рогипнол стер с него любое различимое выражение. Недоверчиво смотрю, как его глаза наполняются слезами.

– Мишель... прости меня!

Взмахиваю жеодой и крепко бью его прямо в лоб. Брызжет кровь, он вскрикивает от изумления и боли, падает на пол и остается лежать совершенно неподвижно. Да как он посмел! Как он посмел произнести мое имя! Да еще и извиняться! После всего, что сделал... После того как так унизил меня!

Немного остыв, я растерянно сознаю, что именно только что натворила, и не свожу глаз с крови, которая начинает

пропитывать первозданную белизну овчинного ковра.

Черт!

«Господи, Хлоя, ну почему ты не можешь держать себя в руках?» Резко поднимаюсь на колени, прижимая руки к губам, мысли пролетают со скоростью в тысячу миль в час. Вот ведь ирония ситуации: мне и вправду требовалось убить Уилла, но *только не сейчас*. Пока у меня нет этого видео.

Черт, черт, черт! Придвигаюсь к нему, поворачиваю его голову. Не могу понять, насколько опасна рана, поскольку любые ранения головы обильно кровоточат. Вскоре все руки у меня в крови. Сажусь на пятки, пытаюсь думать.

Но тут слышу какой-то шумок, заставляющий меня застыть. Шаги. Где-то у самого входа в домик. Оборачиваюсь.

В дверях стоит Чарльз – лицо бледное, рот удивленно раскрыт. Взгляд его перемещается по комнате, натывается на тело Уилла, на ярко-красные пятна на белоснежном ковре. Нет... Только не Чарльз! Это последний человек, которого я хочу сейчас здесь видеть.

– Он напал на меня! – начинаю всхлипывать я. – О боже, звони в «девять-один-один»!

Закрываю лицо руками, размазывая кровь по щекам и истерически подвывая. У меня есть смутное чувство, что Чарльз пришел мне на выручку.

– Он ударил меня! О боже, я думала, что он хочет меня убить! Звони в полицию!

Рискую поднять взгляд сквозь слезы, струящиеся по лицу.

Чарльз присаживается рядом со мной на корточки, теперь крепко закрыв рот. Лицо у него лишено любых эмоций, взгляд острый; эти глаза словно говорят мне: «Прекрати!» Перестаю плакать, уже второй раз за вечер не совсем представляя, что происходит и что теперь делать. Чарльз медленно протягивает руку к щегольскому платочку в нагрудном кармане, вытаскивает его. Встряхивает рукой, чтобы расправить, а потом начинает вытирать кровь и слезы с моего лица.

– М-да, ну ты тут и насвинячила, – мягко произносит он.

Таращусь на него, широко раскрыв глаза.

Чарльз протягивает руку, хватая меня за запястье, стаскивает с него черную повязку с бантом, открывая мои часы. Я не в силах пошевелиться, словно загипнотизированная выражением его глаз, – в них лишь жесткая пустота, смешанная с чем-то вроде насмешки. Он лезет себе за пазуху – две верхние пуговицы рубашки у него расстегнуты – и вытаскивает оттуда что-то маленькое, черное. Свои собственные смарт-часы, без ремешка.

– Так ты... – Я даже не могу должным образом выразить свое изумление.

Чарльз отпускает мою руку.

– Про тебя я никогда бы не подумал, – произносит он.

В этот самый момент Уилл издает негромкий стон, и по всему телу у меня разливается облегчение. Подносит руки к голове. Жив. Ладно, похоже, что не все еще потеряно. Единственно, осталось...

Поворачиваюсь и сознаю, что Чарльз неотрывно смотрит на *меня*, а не на своего пострадавшего приятеля.

– Так что тебе тут на самом деле понадобилось? – интересуется он ровным тоном учителя, застукавшего своих учеников за дележкой шоколадок, стыренных в супермаркете.

– Мы просто разговаривали.

– На какую тему?

Чарльз по-прежнему не сводит с меня глаз. Не отвечаю – понятия не имею, сколько он успел подслушать. Есть что-то хитровато-коварное в том, как его чудесные глаза соскальзывают с меня на тело Уилла.

– Ну что ж, по-моему, ему надо в больницу, – наконец произносит он.

– Нет!

Чарльз опять переводит взгляд на меня, вопросительно подняв брови.

– Нам нельзя в больницу. Я опоила его, – признаюсь я.

– Чем?

– Рогипнолом.

– Вот уж не думал, что тебе нужны такие вспомогательные средства в мужской компании, – замечает он с улыбкой.

Делаю вид, что он мне якобы польстил, и краснею.

– Все с ним будет нормально, но сейчас нам меньше всего надо, чтобы кто-нибудь узнал...

– Нам?

Бессловесно смотрю на него большими глазами. Ты можешь, конечно, что-то доказывать мужчинам, но гораздо лучше взывать к их самым основным инстинктам. Зацепить ту часть их Y-хромосомы, которая любит поучать женщин – ту часть их, которая любит помогать им, поскольку это позволяет мужчинам ощутить свою значимость.

– Да все с ним нормально, Чарльз. По-моему, ему надо

просто полежать и проспаться.

– У него может быть серьезное повреждение мозга.

Предпочитаю промолчать. Пока не совсем понимаю, в насколько серьезную заморочку вляпалась.

Чарльз укоризненно вздыхает, бросив на меня взгляд, как на какую-то шалунью. Бросает свой платочек на пол и встает, оглядывая устроенный мной бардак в доме. Подходит к Уиллу, присаживается рядом с ним на корточки.

– Уилл? Ты очухался?

Тот стонет.

– У моего папани есть такие мужики, – произносит Чарльз, поворачиваясь ко мне, – типа телохранителей. Один из них воевал и наверняка разбирается в оказании первой помощи. Он мне уже и раньше помогал.

– С чем?

– Я еще никогда не вышибал людям мозги жеодой, если ты об этом, но как-то разбил пару тачек и не хотел, чтобы отец про это знал. Сейчас я ему позвоню, и мы попробуем привести Уилла в чувство. А ты возвращайся в дом, – говорит он, тыча рукой в том направлении. – С утречка садись в первую же машину, которая тебя возьмет, и уезжай отсюда, а я присмотрю за Уиллом.

– А вдруг он что-нибудь запомнил? Он так и не допил свой стакан.

– Думаю, ты в самом скором времени это узнаешь, – произносит он без всякого сочувствия в голосе.

Я все медлю.

– Почему я должна тебе доверять?

– Потому что я не звоню в полицию, хотя мог бы. Иди умойся и приведи себя в порядок – у тебя все платье в крови.

Тихонько ускользаю в ванную, в голове полный кавардак от этого внезапного поворота событий. Жутко злюсь на себя, что не сумела сохранить контроль над собой в самый неподходящий момент, – а ведь это то качество, которое, по словам доктора Уимена, мне нужно в себе развить. Но также, пусть ситуация и крайне стрёмная, присутствие рядом Чарльза приятно возбуждает меня. Он вдруг оказался не просто симпатичным парнем, отношения которого с подружкой я планировала порушить, – он нечто куда как большее. Он *опасен*. И я прекрасно понимаю, почему Чарльз мне помогает: это дает ему власть надо мной. Единственный вопрос, как он собирается этой властью распорядиться.

Увидев себя в зеркале, испускаю стон. Кровь размазана по всему моему замечательному платью. Стаскиваю его с себя, умываюсь. Платье не из тех, под которые можно надеть лифчик или нижнее белье, так что заворачиваюсь в пушистое белое полотенце, а потом подбираю изгаженное платье и заталкиваю его в чистый мешок для мусора. Не хочу оставлять после себя никаких улик.

Когда выхожу обратно в гостиную, Чарльз как раз заканчивает тихо разговаривать с кем-то по телефону.

– Он уже идет – давай двигать.

– В полотенце? – Я фыркаю. – Народу будет интересно, чем мы тут с тобой занимались.

Вздыхнув, он снимает с себя пиджак, кладет его на спинку дивана. Расстегивает белую костюмную рубашку, стаскивает ее, открывая простую белую футболку. Передает мне рубашку, а потом поворачивается ко мне спиной. Сбрасываю полотенце и надеваю рубашку. Она мягкая, теплая и пахнет Чарльзом.

Он поворачивается обратно и долю секунды смотрит на меня. Раньше Чарльз никогда так на меня не смотрел – его взгляд быстро перелетает с моего лица на мое тело. Его рубашка лишь кое-как прикрывает мне бедра.

Для начала он высовывает голову из-за двери, а потом крадется вдоль стены. Следую за ним по пятам, путаясь боковыми ногами в прохладной траве. Когда мы вновь оказываемся в главном здании усадьбы, на кухне по-прежнему горит свет, но вся верхняя часть дома погружена во тьму.

– Ни черта не вижу! – шепчу я. Чувствую, как Чарльз хватается меня за руку. Его рука теплая, пальцы кажутся тонкими и изящными. Он ведет меня к задним двойным дверям, где мы совсем недавно тусовались, и тоже шепотом произносит:

– Поднимайся вверх. Обо всем остальном я сам позабочусь – и позвоню тебе после того, как поговорю с Уиллом.

Сдвигает одну из стеклянных дверей.

– Если ты собираешься меня шантажировать, то имей в виду: я бедна как церковная крыса, – предупреждаю я.

– Я похож на человека, который нуждается в деньгах? – тихонько спрашивает он. Но есть что-то темное в его глазах – намек на то, что какую-то цену заплатить все-таки придется. – Попробуй пробраться в свою комнату так, чтобы тебя никто не видел. И дай свой телефонный номер.

Диктую цифры. Может, я когда-то и фантазировала, как Чарльз заносит мой номер в память своего мобильного, но явно не при таких обстоятельствах.

Когда он закрывает за мной дверь, мой мозг моментально переключается на возможные сценарии дальнейшего развития событий, на истории, которые помогут мне замести следы. У меня нет ощущения, что Чарльзу так уж нравится Уилл – одно лишь то, что они принадлежат к одному и тому же студенческому братству, вовсе не означает, что они друзья. И есть в Уилле что-то жлобское, так что вряд ли они особо близки. Скорее Чарльз лишь терпит его, как человека на вторых ролях в своем окружении.

Проскальзываю в свою комнату, нащупывая дорогу в темноте. Едва не спихнув одну из девиц из «Каппы» с кровати, змеей залезаю под простыню. Подтягиваю рубашку Чарльза к носу и глубоко вдыхаю. Меня уже рубит. Ночь была длинная. Жеода и Чарльз серьезно усложнили мои планы с Уиллом, но как только взойдет солнце, я буду делать то, что всегда и делала, – приспособливаться, перегруппировывать силы и готовить свой следующий ход.

Кристен как раз стягивала свои светлые волосы в конский хвостик на затылке, так что оказалась совершенно беззащитной перед Чарльзом, который немедленно этим воспользовался и уткнулся лицом в щекотную часть ее шеи. Она съжилась, расхохотавшись.

– А не тормози в следующий раз! – сказал он поучительным тоном.

– Медвежонок Чарли, я все скажу твоей маме! – пропищала она, и оба заржали над этим ужасным прозвищем. Каким-то чудесным образом Кристен быстро нашла с его родителями общий язык. Сквозь окна его спальни уже всюду струился солнечный свет, отчего волосы ее словно окутывало золотое облако. Для любого случайного наблюдателя они выглядели как вполне нормальная симпатичная молодая пара. Он обнял ее со спины, глядя на их отражение в зеркале. В такие моменты скрывающаяся в нем темная сторона должна была бы показаться разительным контрастом ко всему воздушному и беззаботному в Кристен, но что-то в их отношениях вызывало у него чувство, что он может быть точно таким же, как и она. Когда она улыбалась, то всегда улыбалась глазами.

Подавшись вперед, Чарльз поцеловал ее. Хотелось целовать еще и еще, но на это уже не было времени.

– Может, спустишься и присмотришь за завтраком? Хочу посмотреть, жив ли там еще Уилл.

– Он что, вчера перебрал?

– Брякнулся с крыльца и разбил башку о каменные ступеньки. Просто хочу убедиться, что с ним всё в порядке. Запекла для меня «медвежий коготь»⁴³.

Поцеловав его в щеку, Кристен вышла из комнаты. Вся осанка ее говорила, что она как дома в собственном теле – то, что ему всегда в ней нравилось. Но стоило ей скрыться за дверью, как Чарльз в очередной раз едва ли наяву услышал четкий щелчок: голову слегка отпускало, когда Кристен не было поблизости – словно некая крошечная, едва заметная мышца, до этого помимо его воли туго напрягшаяся, наконец расслаблялась.

Чарльз поместил Уилла в спальню прямо по соседству с собственной – ту, в которой ночевал его брат Эрик, когда заглядывал в гости. Чарльз решил, что если уж в какой-то комнате Уилла и потянет блевать, то пусть это будет комната Эрика.

Постучавшись, Чарльз зашел туда. Уилл только начинал ворочаться в путанице простыней. При этом он стонал и держался за голову. Мерсер, телохранитель отца и вообще мастер на все руки, скрупулезно осмотрел Уилла, просидел с ним несколько часов, а потом исчез, словно призрак, оста-

⁴³ «Медвежий коготь» – булочка с миндальной пастой и изюмом в виде медвежьей лапы.

вив после себя лишь стакан с водой и флакон таблеток адвила⁴⁴. Как и большинство людей, работавших на отца Чарльза, он делал то, что велено, не задавая лишних вопросов.

– Ну, как самочувствие? – поинтересовался Чарльз тем слегка насмешливым тоном, каким обычно обращаются к людям, которые накануне изрядно накуролесили.

– Башка трещит, хоть помирай... – Уилл кое-как ухитрился сесть, страдальчески щурясь, и был явно удивлен, когда потрогал лоб и наткнулся на повязку.

Чарльз присел перед ним на корточки и внимательно изучил его лицо.

– Ты вообще хоть что-нибудь помнишь со вчерашнего?

Уилл нахмурился, опустив взгляд.

– Помню, что пили чистый вискарь... – Потянулся за адвилком, насухую закинул в рот сразу несколько таблеток. – М-м-м... А потом как отрезало.

– Ты набубенился в сопли и разбил башку о каменные ступеньки перед входом.

– Уф-ф...

– Давай спускайся и подлечись. «Кровавая Мэри» будет самое то, – громко произнес Чарльз.

Уилл скривился.

– Всё, я больше не пью!

– Знаменитые последние слова... Может, тогда еще под-

⁴⁴ Адвил – одно из торговых названий ибупрофена, болеутоляющего и противовоспалительного средства.

рыхнешь?

– Нет, – быстро ответил Уилл. – Вообще-то мне уже пора двигать. У меня с собой барахло для лакросса.

Отлично. Чарльзу не хотелось, чтобы пути Уилла и Хлои сейчас хоть как-то пересеклись.

Он дождался, когда Уилл соберет вещи, спустился вслед за ним в вестибюль и проследил, как за тем закрывается дверь. Только тогда почувствовал, что можно присоединиться к остальной компании, большая часть которой тоже стояла от похмелья, угощаясь выпечкой и творожной запеканкой. Накладывая себе на тарелку, Чарльз понял, что Хлоя пытается встретиться с ним взглядом, но избегал даже просто смотреть на нее. По крайней мере до тех пор, пока Кристен не пошла наверх собирать свою «походную» сумку. Тогда он коротко бросил взгляд на Хлою и одними губами произнес: «Пока что все нормуль».

Что за странный поворот событий! Раньше он эту девочку даже не замечал – для него это была лишь одна из стаи нескончаемых однокашниц женского пола. Доктор Уимен говорил, что для психопата его способность к распознаванию эмоций других людей – гораздо выше среднего. Умный человек, заметил как-то Уимен, всегда может использовать способность «читать» и понимать других людей для собственной выгоды – чтобы успешно пробираться сквозь хитросплетения окружающего мира, добиться успеха в жизни. С другой стороны, ту же самую способность можно ис-

пользоваться, чтобы манипулировать остальными и влезать во всякие неприятности.

Во что именно он сейчас вписался? Забавно, что Хлоя с ходу решила, будто он собирается шантажировать ее. Чарльз пока не совсем представлял, как можно распорядиться полученной информацией, но знал одно: по крайней мере, это что-то новенькое, неизбитое и интригующее в мире, в котором столь мало нового и интригующего.

– Не видел Уилла? – спросил кто-то. Чарльз раздраженно глянул вправо на глупую честную физиономию Чада, президента САЭ. Руки у того настолько бугрились мускулами, что любая рубашка на планете Земля выглядела бы на нем слишком тесной.

– Он уехал с утра пораньше, – ответил Чарльз.

Распределившись по машинам, вся компашка двинулась обратно в кампус. Кристен, как обычно, всю дорогу откровенно клевала носом, что давало ему возможность спокойно подумать. Мотор «Ягуара» умиротворяюще ворчал под капотом, с каждым поворотом Вашингтон становился все ближе. Он вообще правильно расслышал то, что говорила тогда Хлоя? Определенно прозвучало слово «изнасиловал», а также упоминалась какая-то запись. Да, какое-то видео точно в разговоре фигурировало. И двенадцатилетний возраст. А эта слепая ярость, с какой она врезала ему жеодой... Чарльз понял, к чему все идет, когда вмешиваться было уже поздно – можно было бы остановить ее, окликнув, но было

больно уж интересно, чем все закончится. Она ударила Уилла очень тяжелым и твердым предметом – будь на ее месте кто-нибудь посильней, вроде Чада, такой каменюкой можно запросто убить. Она вполне могла прикончить его.

Но почему?

Уилл и вправду *изнасиловал* ее? Чарльз украдкой бросил взгляд на Кристен, словно одна только мысль об этом могла ее разбудить. Но она уютно прислонилась к боковому окошку на фоне смазанных от быстрого движения осенних листьев, мелькающих за бортом машины. Чарльз не слишком-то хорошо знал Уилла. В некотором смысле его друзьями считались абсолютно все «братья», но единственным близким другом в САЭ был для него только Дерек. Они дружили еще с первого курса, едва принеся клятву верности этому студенческому братству. Вступать туда не хотелось, но в САЭ в свое время состоял и отец. Где-то с год Чарльз пересекался с Уиллом в штаб-квартире братства, в которой обитали многие его члены, но потом при первой же возможности переехал из этого отвратительного дома и вообще из кампуса на квартиру, более подходящую ему по стилю.

В братстве Уилл абсолютно ничем не выделялся – не был даже достаточно интересен, чтобы недолюбливать его, как Чада. Заливался пивом, нес всякую пургу, а после выпуска наверняка оказался бы в какой-нибудь финансовой структуре и женился бы на той, кого у нее за спиной называл бы шлюхой. «Он действительно изнасиловал двенадцатилет-

нюю девчонку?» – ломал голову Чарльз.

Способен ли Уилл напоить девушку, чтобы ее трахнуть? Да, подумал Чарльз, наверняка, хотя никаких конкретных указаний на то, что Уилл когда-нибудь так поступал, не имеется. Способен ли Уилл попытаться отыметь пьяную девушку, даже если она отказывается или пытается отбиваться? Не исключено. И если любая из этих гипотез соответствует действительности, не будет ли слишком большим перебором предположить, что он способен изнасиловать двенадцатилетнюю девчонку?

То, что Чарльзу сейчас на самом деле хотелось, так это посоветоваться с доктором Уименом. Разумеется, сформулировав свои вопросы чисто гипотетически. Вообще-то это больше в духе того же Чада, до тошноты серьезного и благочестивого – искать ответы на жизненные вопросы при помощи такого шаманства, как психотерапия, но Уимен был единственным человеком, с которым он мог вести такие разговоры совершенно откровенно, углубляясь в малейшие детали. Никаких осуждающих взглядов, если Чарльз вдруг не понимал чего-то, что якобы должен был понимать. Полная готовность переформулировать вопрос, чтобы можно было сразу уловить суть.

Когда они добрались до города, он забросил Кристен домой и сразу двинул на психфак. Воскресенье, Уимена там быть не должно, но к полудню понедельника Чарльзу предстояло выполнить одно задание в рамках программы, так

что лучше было разделаться с ним, не откладывая в долгий ящик.

Это задание – а вернее, нечто вроде упражнения – было одним из целой серии, использующей виртуальную реальность, которая оказалась на удивление затягивающей. В виртуальном мире он мог пересечься с одним-двумя собеседниками в обычном разговоре, или же они пытались вместе решить какую-то проблему, или поговорить о чем-то личном. А потом вдруг всё менялось местами – он уже не выступал от первого лица и становился каким-то другим человеком, глядя на аватарку того, кем только что был. При этом измерялись его эмоциональные отклики. Уимен сказал ему, что это обучит его умению воспринимать происходящее с чужой перспективы. Что если он сможет для начала увидеть себя с точки зрения других людей, то это обучит его искусству видеть и все остальное с точки зрения других людей. Чарльз сомневался, что особо продвинулся в этом направлении, но обзавестись таким умением было бы полезно. Как раз нечто подобное и вызывало у него проблемы с Кристен.

Чарльз оставил машину на парковочном месте, зарезервированном для декана факультета обществоведения (ему это почти всегда сходило с рук), но, едва выбравшись из машины, тут же столкнулся с довольно странным зрелищем. Двойные двери факультета психологии были перевязаны цепью, запертой на здоровенный висячий замок, и перекрещены ярко-желтыми полицейскими лентами.

Чарльз раздраженно полез за телефоном. Раз уж с психфаком обломалось, решил он, можно еще разок проверить, как дела у Уилла, и кинуть Хлое эсэмэску по результатам. Перед тем как направиться к дому, в котором квартировал Уилл, Чарльз быстро просмотрел раздел городских новостей «Вашингтон пост» на своем телефоне: не обнаружится ли каких-то объяснений желтой ленты на дверях психфака, – но нет, ни слова. В «Твиттере» нашелся единственный пост о запертых на цепь дверях с кучей вопросительных знаков. Несколько комментариев к нему тоже в основном представляли собой вопросы, хотя кто-то написал: «Я слышал, что там кого-то замочили».

Возле обиталища Уилла Чарльза тоже ждал облом – дверь была заперта, и никого не оказалось дома. С учетом воскресенья вполне логично было поискать Уилла в штаб-квартире САЭ. Туда Чарльз дальше и направился, машинально ответив по дороге на нервные улыбки двух попавшихся навстречу девиц.

– Не, он реально мертвый, совершенно кровью истек – все только об этом и говорят, – вешала одна из них своей подруге.

База братства пребывала в своем обычном виде – бардак, непонятные запахи, повсюду неприкаянно бродят студенты, которым лучше было бы заняться чем-то более полезным. Двое каких-то придурков горячо спорили, можно ли играть в пинг-понг, если предварительно поджечь целлулоидный

шарик. Чарльз решил, что затея довольно сомнительная.

Преодолев половину лестницы, он наконец увидел Уилла, зад которого торчал из стенного шкафа. Тот рылся в нем, выбрасывая наружу какое-то барахло, и был явно малость на взводе.

– Эй, вот просто решил проверить, как ты! – крикнул ему Чарльз.

Уилл застыл как вкопанный.

– Да все нормально, – буркнул он в ответ, выразительно глядя на Чарльза. Это был того рода взгляд, каким обычно говорят: «Иди ты в жопу».

Чарльз опять сбежал вниз, взял себе пивка из холодильника и вышел во двор, где устроился на одном из садовых стульчиков. Открыл «Вотсапп» и отправил Хлое сообщение: «Утром поговорил с Уиллом, и он вел себя так, будто ничего не помнит. Но только что заметил его в штаб-квартире братства, где он что-то усиленно ищет (он тут больше не живет)».

Почти в этот же самый момент в поле ответа стали волнообразно плавать три жирные точки, показывая, что вызываемый абонент набирает ответ. Что бы там Хлоя из себя ни представляла, но печатала она медленно. Чарльз наклонился, сгорбившись над телефоном.

«ОК», – вот и все, что она написала. Он склонил голову набок. И как это прикажете понимать?

Затем она добавила смайлик.

– Чувак! – громко выкрикнул кто-то. Подняв взгляд,

Чарльз увидел рысящего к нему Дерекка, вечно растрепанные волосы которого выглядели еще более растрепанными – под душем тот явно еще не был. – Ты вообще слышал?

– Что слышал?

Дерек плюхнулся на стул рядом с ним.

– Какого-то парня вчера *зарезали!* Прямо на психфаке!

– Я только оттуда. Кого-то знакомого?

– Какого-то Майкла Бунарка.

– С ходу не припомню, – отозвался Чарльз. Вот же гадство... Интересно, скоро там все приберут? Задание-то любому делать надо.

Едва детектив Бентли успел нажать на кнопку звонка, как Леонард уже открывал дверь. Бентли он не видел уже довольно давно, так что неудивительно, что мужчины обнялись. Он хорошо знал отца Бентли и помнил, как детектив еще ребенком лазал по всему его дому в Фогги-Боттом⁴⁵. А через несколько десятков лет Бентли пошел по следам своего отца, став вначале простым патрульным, а потом и детективом.

Спутник Бентли – очевидно, его напарник – бросил на них нетерпеливый взгляд.

– Заходите, – пригласил Леонард, проводя обоих в гостиную. Бентли встал перед старым раскладным креслом, стоящим у камина, изумленно качая головой.

– Господи, у вас до сих пор это кресло! Помню, как тогда лазал по нему.

– Хорошие вещи успешно проходят испытание временем, – отозвался Леонард с печальной улыбкой, присаживаясь на диван. Обстоятельства их встречи опять были не слишком-то радостными.

Последние тридцать лет Леонард выступал в роли консультанта Столичного департамента полиции, еще во времена старшего детектива Бентли, и это сотрудничество во

⁴⁵ Фогги-Боттом («Туманное дно») – один из старейших жилых районов Вашингтона.

многим помогло ему получить одобрение университета и его КБЭ – комиссии по биомедицинской этике, когда возникла идея организовать многоподходное исследование на группе испытуемых с диагнозом «психопатия» на базе Адамса. Если перехватить тех, кого еще можно спасти, пока они молоды, доказывал он, они никогда не пойдут по преступному пути. Управление полиции тоже порекомендовало нескольких молодых людей для участия в программе – полных негодяев, на их взгляд, – но ребята, которых Леонард в итоге отобрал, были действительно светлые головы и не представляли опасности для остальных студентов. Некоторые из прошедших программу стали полноценными членами общества: мужьями, женами и родителями. Были среди них успешный адвокат, аудитор и даже владелец малого бизнеса.

– Это мой напарник, Дивер.

Леонард кивнул и взмахом руки пригласил их сесть. Обычно такие встречи проводились у него в кабинете, но теперь его интеллектуальная святыня оказалась местом преступления.

– Я полностью подавлен, – произнес он, потирая усталые глаза. – Не понимаю, кто мог это сделать.

– Мы надеялись, что у вас есть какие-то мысли на этот счет, – сказал Бентли. – Майкл не упоминал, что у него в последнее время были с кем-то какие-то сложности? У него имелись денежные проблемы? Проблемы с наркотиками?

– Майкл выпивал, но не больше любого среднего студента.

Обычный парень из семьи среднего класса, никаких проблем вроде игромании или всего такого прочего. Не пойму, зачем кому-то понадобилось его убивать.

– У кого есть ключи от этих комнат для экспериментов?

– Только у меня и у моей ассистентки, Елены – насколько я понимаю, вы с ней уже общались, – и у нескольких наших лаборантов из тех, что постарше. Студенты, участвующие в программе, могут попасть туда только в том случае, если эксперимент значится у них в расписании – их смарт-часы автоматически отпирают дверь.

– С учетом диагноза Майкла, мог он вести себя так, чтобы нажить врагов? Просто пересекаясь с другими людьми? – спросил Бенгли.

Леонард покачал головой, впервые за двадцать лет вдруг с тоской подумав о сигарете.

– Вообще-то за время участия в программе Майкл довольно основательно продвинулся. Парень действительно всерьез работал над собой. Пара мелких стычек с соседом по комнате из-за готовки и тому подобной чепухи не в счет. Кирби Гурганус – вот как его зовут, – произнес он, предвосхищая следующий вопрос. – Соседа. Он тоже на третьем курсе.

– Вот эта ваша программа, которой, как мне сказал Бенгли, вы руководите... – начал Дивер. Леонарду вдруг сразу не понравился его тон. – Вы приглашаете в один и тот же универ кучку психопатов, чтобы они дали прикурить толпе ни

в чем не повинных студентов? Какой в этом смысл?

– Забавно, но в данном случае как раз кто-то другой дал прикурить одному из моих психопатов... Это студенты, которых мы обучаем адаптироваться к моральным нормам и справляться со своим неадекватным поведением.

– И все-таки, зачем было собирать их именно там?

– Эти молодые люди проходят интенсивную терапию. Если у вас есть восемь тысяч студентов, то как минимум триста из них наверняка психопаты, которым просто не поставили соответствующий диагноз. Мои ребята из тех, кто хочет жить лучшей жизнью и чьи родственники готовы внести свой вклад в их совершенствование.

Дивера, похоже, эти слова ничуть не впечатлили.

– Итак, он был объектом вашего исследования почти три года, – произнес он, начиная новую тему. – Вы должны хорошо разбираться в том, как устроена его психика.

Дивер, осознал Леонард, относился в точности к тому разряду людей, которые, узнав, что ты психолог, криво ухмыляются и начинают вести себя так, будто ты тайком подвергнешь их психоанализу.

– Что творилось у него в голове? Что вы нам можете рассказать о нем как о личности?

Леонард немного помедлил, ощущая странное стремление оградить личную жизнь Майкла от посторонних посягательств, но тут вспомнил, что парня больше нет в живых и что, более того, его убили.

– Он был мизантропом, но не в той степени, какую можно было бы назвать антиобщественной. Майкл много читал, мнил себя поэтом. Ему хотелось восхищать людей, но... Мои пациенты вообще-то часто склоняются к манипулятивному поведению, и, может, Майкл в этом смысле не был исключением, но его попытки манипулировать людьми были довольно топорными... Ему далеко не всегда это удавалось.

– Есть и еще кое-что, что нам, наверное, стоит обсудить, – вмешался Бентли. – У нас есть свидетель, оказавшийся на месте преступления практически в момент убийства, – другой студент, который позвонил в «девять-один-один» и попытался оказать первую помощь. И он в том списке, который вы мне дали.

Леонард так и застыл. Где-то среди многочисленных страниц стандартных форм информированного согласия и договоров крылась одна крошечная оговорка: имена участников программы с криминальным прошлым могут быть при необходимости выданы полиции. Ему пришлось пойти на такую уступку в качестве жеста доброй воли, чтобы убедить руководство университета дать пристанище своей программе.

– Андре или Келлен? – только и спросил он.

– Андре Дженсен.

Вот же не повезло парню – как будто и без того мало посмотрелся на смерть в столь юном возрасте... Во время первой вступительной беседы Андре проявлял просто-таки невероятную скрытность, отделяясь односложными отве-

тами, и постоянно задавал вопросы касательно прошлого Леонарда, будто не доверял уровню его подготовки.

– Как он отреагировал?

– Мальчишка был практически в шоке. Когда это все произошло, он пытался остановить кровотечение, а когда мы привезли его в отдел, чтобы взять показания, постоянно сетовал, что этого могло бы и не произойти, если б он лучше умел оказывать первую помощь.

Леонард едва успел переварить эту бесценную информацию, прежде чем Дивер перебил своего напарника.

– Не слишком ли большое совпадение, что еще один из ваших студентов вдруг оказался в том же месте в то же время? Что можете сказать про этого парня?

– Да какое же это совпадение! Два студента, участвующие в программе, которая базируется на факультете психологии, будут неизбежно так или иначе там пересекаться, – отозвался Леонард, пытаясь не выдать своего раздражения. – Я не думаю, что Андре на что-то такое способен, если вы об этом. В четырнадцать или пятнадцать он действительно наделал глупостей, но ничего такого, что в дальнейшем могло привести к убийству.

– Глупостей, связанных с насилием?

– Формально нанесение телесных повреждений, но все это скорее из оперы «Сегодня после школы ты у меня получишь». Угоны машин без цели кражи, мелкий вандализм...

Дивер лихорадочно записывал. Леонарду же было ясно,

что угнать чью-нибудь машину, чтобы просто покататься, и время от времени набить морду однокласснику – это проступки совсем иного класса, чем убийство.

– Детектив, а зачем ему было помогать Майклу и звонить в «девять-один-один», если он это и сделал?

Дивер пожал плечами.

– Не думаете же вы, что, когда тут бегают полдюжины социопатов, я закрою глаза на такой факт в деле об убийстве?

– Психопатов, – поправил его Леонард. – И я надеюсь, что вы и вправду чего-нибудь не проглядите, поскольку убили моего студента.

– Насчет этих смарт-часов, которые они все носят, – вы собираете данные об их местоположении? – не отставал Дивер.

– Эти смарт-часы постоянно фиксируют местоположение, практически как любой смартфон, но, в соответствии с нашими правилами защиты личных данных, мы храним сведения о местоположении только за те моменты, когда участники проходят мониторинг настроения; остальное удаляется. – Леонард глянул на экран своего компьютера. – Андре как раз заполнил такой мониторинговый опросник в двадцать тридцать примерно в том же месте, – добавил он, переписал координаты на листок бумаги и демонстративно вручил его Бентли, а не Диверу.

Бентли сказал, что они наверняка еще раз с ним свяжутся, и оба полицейских встали, чтобы уходить. Дивер первым

вышел из комнаты, направившись от двери к их машине без опознавательных знаков, в нарушение правил припаркованной прямо перед домом. Маленький исторический микрорайон Фогги-Боттом втиснулся между комплексом «Уотергейт»⁴⁶ и обширным кампусом университета имени Джорджа Вашингтона. Просто в голове не укладывалось, что весь этот хаос и гневные нападки в адрес правительства, вызванные уотергейтским скандалом, похоже, готовы повториться по новой. Бентли легонько коснулся руки Леонарда.

– Вы как?

Леонард покачал головой.

– Я понимаю, что это не поддается рациональному объяснению, но похоже, что история повторяется. Я, ты вместо своего отца и полицейская лента. – Он прищурился, всматриваясь в ночь, из которой доносились трели сирены «скорой помощи». – Не люблю вспоминать те дни.

– Это всего лишь одно убийство. И мы обязательно прищучим гада. Поверьте мне.

⁴⁶ Комплекс «Уотергейт» – архитектурный ансамбль в Вашингтоне, включающий отель, два административных и три жилых здания. Построен в 1962 г. Знаменитый «уотергейтский скандал» разразился в 1972 г., когда в гостинице комплекса были задержаны сотрудники избирательного штаба действующего на тот момент президента США Р. Никсона, пытающиеся прослушивать избирательный штаб политического конкурента Никсона – кандидата в президенты США от демократической партии Дж. Макговерна. В результате через два года, в 1974 г., Никсон был вынужден добровольно уйти в отставку.

Обратный отсчет: 53 дня

Вонючка, похоже, удивлен, что я кратчайшим путем устремляюсь к нему, когда на лабораторной по биологии нам велят разбиться на пары.

– Привет, – нервно говорит он, заталкивая свои пепельные патлы за уши, когда я заявляю свои права на лабораторный табурет рядом с ним. – Что-то не хочется мне этим заниматься...

– Да ладно, это же биология в чистом виде!

Перед нами полный набор для препарирования: лоток, скальпель, пинцет, ножницы. Я ждала этой лабораторной как манны небесной: препарирование – это самая интересная часть этого предмета.

– От одного только... запаха душу воротит, – добавляет он. Вид у него и вправду довольно бледный.

Запах – это в основном формальдегид. А может, и сам Вонючка, поскольку собратья по САЭ запретили ему принимать душ и всю следующую неделю⁴⁷. Оба запаха меня осо-

⁴⁷ Порядки в американских студенческих братствах порой сравнимы с армейской дедовщиной: старшие имеют полное право измываться над младшими, которые по мере перехода на следующие курсы будут следовать их примеру. Особо изощренно третируют «новообращенных» на испытательном сроке – им могут запретить разговаривать с кем-либо помимо членов братства, мыться, есть определенную пищу, посещать определенные места и т. д.

бо не напрягают, поскольку я собираюсь стать врачом и поскольку Вонючка может располагать какой-то полезной информацией про Уилла.

Один из ассистентов препода ходит по рядам, вручая каждой паре пластиковый пакет со свиным зародышем внутри. Вонючка брезгует прикасаться к нему даже в хирургических перчатках. Разрезаю наш пакет, сливаю формальдегид. Поросенок у нас просто прелесть: маленькое рыльце с приоткрытым ротиком, из которого торчит крохотный язычок.

Лабораторные столы расположены довольно далеко друг от друга, так что никто не обратит внимания, если я начну что-то выпытывать у Вонючки. Он, похоже, только рад тому обстоятельству, что скальпель у меня в руках, и с готовностью сплетничает со мной на тему недавней тусовки у Чарльза. Он в курсе, кто с кем переспал, в полном восхищении от дома Чарльза и его крутой подружки (о боже ты мой!), но так и не упоминает про Уилла и про то маленькое происшествие с ним. Это хорошо: выходит, на его присутствие или отсутствие никто особого внимания не обратил.

– Так кто, говоришь, у Чарльза подружка? – спрашиваю я, делая длинный разрез вдоль брюшка нашего Пятачка. Ключ к тому, чтобы держать ситуацию с Чарльзом под контролем, – это вызнать про него как можно больше.

– Ты про Кристен Веннер?

– Давно они вместе? – спрашиваю я. Внутри поросенка открываются все мыслимые оттенки серого. Мертво-розова-

то-серый, мокро-синюшно-серый... У меня отлично получается придумывать названия оттенков серого.

– Два года.

Два года? А ему не хотелось бы покинуть тихую гавань и чуток отпустить тормоза?

Выживаю кое-что еще, и в буквальном, и в переносном смысле слова, один за другим извлекая из поросенка внутренние органы и вытягивая из Вонючки все возможные сведения. Он тоже тогда здорово набубенился, так что впечатления от тусовки у него далеко не полные.

– Чад вроде положил на тебя глаз, – говорит Вонючка, глядя, как я достаю пороссячью печень.

– Не знаю, кто такой Чад.

– Ну, в смысле, президент СЭ.

– Прости, не припомню такого.

Он явно удивлен.

– Он что-то сказал про твоё платье.

Сосредотачиваюсь на серых потрохах перед собой. Тычу в пороссячий язычок скальпелем, вспоминая брызги крови на своем розовом коктейльном платье, которого давно уже нет – выброшено в мусорный контейнер на задах закусочной «Попайз».

– Про мое платье?

Платьишко было недешевое, и я хорошо в нем смотрелась. Какая жалость.

Украдкой бросаю взгляд на Вонючку. Он красный как рак.

– Ну, что оно тебе очень идет.

– А-а...

Больше из него уже ничего не вытащить. Хочу спросить у него о том, про что мне говорил Чарльз – что Уилл что-то искал в штаб-квартире САЭ, – но такой вопрос никак не задать без привлечения к себе ненужного внимания. Однако, как только Чарльз прислал мне это сообщение, я мысленно возликовала. У Уилла все-таки где-то есть это видео – он не стал бы искать того, чего у него уже давно нет. И скоро оно будет моим.

Моем руки, и я профессионально тру их скребком, как будто настоящий хирург.

– Жутко есть хочется. Не хочешь вдарить по пицце в «Олл-Пёрпоз»? Мы там небольшой компашкой встречаемся, через пару часиков.

– Нет, спасибо, – отказывается Вонючка, бросая взгляд на пакет для биологических отходов, в который мы сгрузили остатки своего поросеночка.

– Ну, как знаешь, – отзываюсь я, заталкивая в уши горошины наушников.

До ужина мне надо управиться с еще одним последним делом. Для этого направляюсь в «Холлбрэк» – общагу на южной стороне кампуса, где живут второкурсники. Проскочить туда достаточно легко, поскольку у входа собралась порядочная толпа, занятая обсуждением какого-то телевизионного шоу про убийства.

Болтаюсь возле общественной душевой, делая вид, что набираю эсэмэску, пока оттуда не выходят две девчонки. Дожидаюсь, когда они разойдутся по своим комнатам, вхожу и заклиниваю дверь резиновым клинышком, чтобы никто ко мне не вошел.

И впрямь, кабинки общего пользования буквально уделаны волосами – длинными, лобковыми, прямыми, вьющимися, светлыми, темными – выбирай не хочу. Натягиваю хирургические перчатки, стыренные в лаборатории, достаю чистый пластиковый пакетик с замочком. При помощи новенького пинцета набираю с десятков волосков и надежно запечатываю их в пакетик. Потом перемещаюсь в «Трешер», еще одну общагу, в мужскую раздевалку спортзала и местное отделение ИМКА⁴⁸, чтобы повторить процесс. В ИМКА мне везет – разживаюсь не только волосками, но и использованным тампоном. Просто море ДНК – и ни единой спиральки в ней не принадлежит мне. Это для Фазы Номер Четыре, которая предусматривает множество движущихся деталей, но сейчас мне нужно полностью сосредоточиться на Фазе Номер Три: «получить видео». И судя по тому, что сообщил Чарльз, Уилл уже в процессе его поисков.

⁴⁸ ИМКА (Юношеская христианская организация, *англ.* YMCA, Young Men's Christian Association) – молодежная волонтерская организация, практически не имеющая отношения к вере и церкви. Насчитывает около 64 млн участников в более чем 120 странах мира.

Был момент в тот день, на протяжении примерно двух часов, когда Андре Дженсен совершенно забыл, что совсем недавно пытался зажать кровоточащую рану на шее человека, умершего прямо у него на глазах. Забыл про полицейских и их вопросы, забыл свои дикие мысли про Уимена и убийцу НДР, и про все то, что отличало его от обычных студентов; впрочем, в тот момент он едва ли был человеком.

Он был общественным оком. Андре был тем, кто документирует ход истории. Новый фотик нагрелся у него в руках – так крепко он его сжимал. Огромная толпа протестующих текла по Пенсильвания-авеню, словно гудящий пчелиный рой. Андре, взгромоздившись на верхушку почтового ящика, без усталости щелкал затвором, надеясь, что где-то среди множества отснятых кадров окажется тот, что забросит его прямым на первую полосу «Ежедневной совы». Сам он спрашивать у Ди постеснялся, эту тему поднял за него Маркус, и получил ответ: ну да, пусть присылает, и если нас устроит, то опубликуем. Среди того, что вполне можно было предложить, – девушка с широко разинутым в крике ртом (в воздух вздет крепко сжатый кулак) и с десятков кадров остроумных надписей на плакатах и транспарантах. Это был самый крупный марш протеста, какой Андре пока что доводилось видеть собственными глазами, и просто-таки изумляла

мысль, что по сравнению с тем, что ожидалось в октябре, это не более чем легкая разминка.

Он зафотал младенца, едущего на плечах у отца, потом маленького мальчишку с плакатом «Гражданские права – это права человека!» Искрой, запалившей этот конкретный марш, было сообщение, что Министерство юстиции собирается свернуть расследование в отношении ипотечных компаний и домовладельцев, дискриминирующих различные меньшинства. Крепко держа фотоаппарат, Андре спрыгнул с почтового ящика. На обратном пути в кампус шелкнул еще несколько кадров, направляясь туда, где, по словам его новых друзей, все собирались после мероприятия. В огромной толпе он чувствовал себя просто отлично, хотя кругом были сплошь незнакомые посторонние люди – обилие народу дарило чувство безопасности и чего-то совершенно отдельного от его повседневной жизни.

В штаб-квартире Союза черных студентов, возле разложенного банкетного стола уже собрались с десяток людей. Маркус с завязанной вокруг шеи ярко-красной банданой (на случай слезоточивого газа, хотя этот марш проходил более-менее спокойно) приветливо кивнул ему. Андре, у которого давно пересохло в горле, взял банку колы, но едва только сладкая жидкость попала на язык, как сразу припомнился кабинет в отделе по расследованию убийств, и волной накатила дурнота. Хорошего настроения вдруг как не бывало, и не захотелось видеть никого вокруг, даже друзей.

Всеобщее внимание, которое привлекло убийство, в течение последних нескольких дней лишь ухудшило его и без того тоскливый настрой. Всем хотелось проявить сочувствие, услышав при этом смачную историю, и некоторые пытались давать неквалифицированные юридические советы, в том числе всерьез предостерегая, что полиция может повесить убийство на него – как будто он и сам об этом не думал. Где-то в глубине души какая-то иррациональная часть его гадала, уж не оказался ли он в свидетелях в качестве какой-то ужасной расплаты за собственный обман. Андре представлял, как его уводят в наручниках, телефонный звонок матери, который подкосит ее... Проигрывал в уме и альтернативный сценарий: настоящего убийцу ловят, а с него снимают все подозрения – но лишь для того, чтобы у дверей его комнаты появилась группа мрачных администраторов с вопросами, как это он пробрался в Адамс. Что тогда будет? То, что он сделал, – формально незаконно? Как может кто-то доказать, насколько честно он ответил на все те опросники?

Андре выскользнул из штаб-квартиры союза через боковую дверь и практически машинально набрал свой домашний номер – просто желая услышать голос кого-нибудь из родителей, окунуться в скучную повседневность их домашней жизни. Отец почти сразу же снял трубку.

– Пух! В новостях говорили, что в Адамсе убили кого-то из студентов!

«И тебе привет, папа».

– А-а, ну да.

– В этом университете небезопасно!

– Да ладно, в Вашингтоне каждый день кого-нибудь убивают. Это что-то, связанное с «метом»⁴⁹.

– С наркотиками?!

Ну на хрена ему подобные разговоры, когда все, чего ему хотелось, – это услышать успокаивающий голос отца, поржать над какими-нибудь его плоскими шуточками, услышать, как Исайя где-то на заднем плане валяет дурака, а мать чехвостит его за это? Подходя к лифту в своей общаге, Андре быстро оборвал разговор, сославшись на то, что вот-вот оборвется связь.

Когда явился Шон, он притворился спящим, не обращая внимания на вздохи и жалобы соседа на стертые ноги, а потом на то, как тот с хрустом и чавканьем поедает карамельный попкорн «Кранч’н’Манч», прежде чем наконец тоже завалиться спать. Ему-то хорошо, размышлял Андре; если Шона вдруг вышибут из Адамса, то он просто возьмет годовой академический отпуск, а потом каким-то образом окажется в другом универе вроде Джеймса Мэдисона или Джорджа Вашингтона, как только все устанет. Андре это особо не задевало, но звание второго по успеваемости в школе и еще всякие мелочи, вроде и впрямь совсем чепуховые мелочи – вроде того факта, что Шон умел кататься на лыжах

⁴⁹ «Мет» (метамфетамин) – психостимулятор с высоким потенциалом к формированию зависимости, в связи с чем отнесен к наркотическим веществам.

и что у него была новенькая «Плейстейшн», – ясно намекали, что жизнь Шона содержит куда больше возможностей, чем у него самого.

Когда Андре стало ясно, что он слишком возбужден, чтобы заснуть, он встал, подошел к письменному столу и открыл свой лэптоп. Картина, как этот студент – Майкл – умирает у него на руках, прямо-таки встала у него костью в горле – тем, что растревляло душу и от чего было никак не избавиться. Андре постоянно следил за новостями – преступника так и не поймали. Это просто совпадение или убийство на психфаке и впрямь имело какое-то отношение к университетской программе по изучению психопатов? Насколько опасны остальные участники исследования и какова вероятность того, что Андре столкнется с ними? Если этого уже не произошло, то есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.